

на правах рукописи

Зыкин

Алексей Владимирович

**МЕСТО И РОЛЬ ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
(на материале коренных этносов Южной Сибири)**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора культурологии

Санкт-Петербург
2019

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, доцент, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»
ТУФАНОВ Александр Олегович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ
БОРОНОВ Асалхан Ользонович

доктор филологических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, академик РАЕН, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
МАМОНТОВ Александр Степанович

доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
ТЕРЕЩЕНКО Елена Юрьевна

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена**»

Защита состоится 24 декабря 2019 года в 15-00 на заседании диссертационного Совета Д 210.019.01 по защите кандидатских и докторских диссертаций при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2, Зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры». Электронная версия полного текста диссертации размещена 03 сентября 2019 года на сайте ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»: <http://spbgik.ru/science/dissertation-councils/doktorskie-dissertacii/>

Объявление о защите и электронная версия автореферата размещены 23 сентября 2019 года на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования РФ и на сайте ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»: <http://spbgik.ru/science/dissertationcouncils/doktorskie-dissertacii/>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Д 210.019.01
доктор культурологии

И.В. Леонов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исторические судьбы и будущее малочисленных этносов великой России – предмет междисциплинарных исследований, в которых культурологии принадлежит весомое теоретико-методологическое и практико-ориентированное место. Культурологический подход, в свою очередь, актуализирует потребность в осмыслении этнических культур с соответствующей системой деятельностных и аксиологических оснований, мировоззренческих особенностей, историко-генетических традиций, языкового своеобразия и т.д. На фоне вестернизации и глобализации, постепенно унифицирующих мир традиционных культур, у многих этносов появился интерес сохранять, возрождать и транслировать этническую культуру, включая соответствующие формы идентичности. Под этнической идентичностью, как пишут современные авторы, понимается самобытность (особость), устойчивость этноса, которая «рассматривается, прежде всего, с точки зрения ее силы-слабости-деградации-сохранности, хотя и с учетом территориальной морфологии»¹. Профессором А.О. Бороноевым отмечается, что в идентичности и ментальности «коренных народов Сибири преобладают черты этнической принадлежности и традиций, у них историческая территория проживания ставится ниже по значению этнического феномена»², а в последнем на первое место выходят: тяга к традиционным верованиям и укладу жизни, национальное самосознание, развитие духовной культуры этноса, знание родного языка и его преподавание в школе и др.

Важнейшим способом гармоничного сосуществования этноса и мира, имеющим предельно-устойчивый характер, выступает традиционная культура. Под ней понимаются «автономные системы ценностей и идей, определяющих тип социальной организации ... путем включения в нее всего богатства материальной культуры, этнических обычаев, разнообразия языков и символических систем»³. Однако на современном этапе истории традиционные культуры пришли в движение, что повлекло за собой трансформации, которые порой угрожают сохранению их своеобразия. Особенно уязвимыми в данной ситуации оказываются малые коренные этносы, которые порой не имеют возможности сопротивляться тотальной унификации, утрачивая свои мировоззренческие, языковые, аксиологические, деятельностные и иные основания. На этом фоне актуальными является ряд вопросов: Насколько малые народы сумели в процессе адаптации к динамичным процессам социокультурных трансформаций в русле процессов вестернизации и глобализации сохранить основы своих культур? В каком состоянии находятся их мировоззренческие основания и системы ценностей? Как данные преобразования этнических культур повлияли на их языковые составляющие?

¹ Крылов М.П. Российская региональная идентичность: вопросы типологии / М.П. Крылов // Проблемы сибирской ментальности: монография / под общ. ред. А.О. Бороноева. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 70.

² Бороноев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования / А.О. Бороноев // Проблемы сибирской ментальности : монография / под общ. ред. А.О. Бороноева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2004. – С. 31.

³ Степин В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 527.

Исходя из информационно-семиотического понимания природы культуры⁴, особую тревогу на современном этапе вызывают неорганические изменения языковой составляющей традиционных культур. Язык, включая его семиотический ресурс по накоплению, сохранению и трансляции культурного опыта, являет собой один из значимых аспектов культуры, без которого ее существование было бы невозможным. Культура как система «надбиологических программ»⁵ жизнедеятельности человека не может состояться без соответствующих языковых систем. У каждой конкретной культуры формируется свой язык, включающий свою фонетическую, лексическую и грамматическую системы, определяющий особое мировоззрение, раскрывающий органику родившей его культуры, включая аксиологические и этико-эстетические аспекты отражения реальности, а также объем циркулирующей внутриязыковой информации. Любые изменения указанного компонента культуры необратимо сказываются на всех ее подсистемах. Наблюдаемые в современном мире изменения традиционных культур сопровождаются трансформацией их языковой составляющей, угрожающей их целостности и своеобразию. Отсюда возникает необходимость изучения глубинных связей и механизмов взаимодействия языка и культуры с перспективой применения полученных знаний в отношении анализа современных трансформаций традиционных культур и их языковых систем.

Значимыми традиционными этническими культурами Южной Сибири, современное состояние которых представляет актуальный научный и практический интерес, являются культуры шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев. В течение последнего столетия данные этносы пережили ряд существенных социокультурных изменений и объективно возникает необходимость изучить последствия трансформационных процессов в их культуре и языке. Изучение такого рода вопросов связано с целым рядом исследовательских направлений предметного поля культурологии, что подчеркивает актуальность генерализации данных направлений в рамках одного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение традиционной культуры с точки зрения определения места и роли языка как основы ее сохранения выступает предметом культурологического исследования, базирующегося на комплексном подходе с привлечением достижений философии, культурной антропологии, а также широкого спектра гуманитарных дисциплин. В связи с этим автором был использован обширный круг культурологических и культур-антропологических трудов, касающихся как специальных проблем этноса и этнических культур, так и социально-психологических и лингво-социальных особенностей исследуемой проблемы. Поэтому диссертационное исследование основано на классических работах культурологов, философов, социологов, этнографов и этнологов, историков и фольклористов, психологов, лингвистов, в которых реализуются стратегии к

⁴ Тхагапсоев Х.Г. Идентичность в когнитивно-эпистемической системе культурологии (начало) / Х.Г. Тхагапсоев // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. – С. 62-67.

⁵ Степин В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – С. 12-13.

исследованию культуры в ее органической связи с социумом, а также раскрываются специфические особенности взаимосвязи языка с ее этническими и национальными составляющими через языковые источники.

Работа основана на фундаментальных работах ведущих исследователей культуры, включая ее философские и теоретико-методологические аспекты, раскрывающие сущность, становление и различные грани культуры с учетом ее сложных взаимосвязей с социумом. В рамках культурно-философской антропологии были рассмотрены труды отечественных исследователей А.Я. Гуревича, Н.А. Бердяева, Э.В. Ильенкова, М.С. Кагана, А.Ф. Лосева, Э.С. Маркаряна, А.Я. Флиера, В.С. Степина и других, которые подчеркивали необходимость исследования человека как творца и творения культуры. В исследовании привлекались труды по комплексному изучению мышления, духа народа и культуры, языка и языкознания зарубежных авторов: В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, К. Леви-Стросса и др.

Изучение традиционной культуры этноса в качестве одного из направлений культурологии носит комплексный характер, поэтому использовался обширный перечень культурологических работ, затрагивающих вопросы этноса и этничности, к которым относятся труды С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, М.М. Бахтина, Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, Л.М. Дробижевой, С.Н. Иконниковой, В.М. Кулемзина, Ю.И. Семенова, В.А. Тишкова, И.А. Жерносенко и др.

По проблемам морфологии культуры были подвергнуты анализу классические работы Э. Кассирера, М. Элиаде и других исследователей, сформировавших новые подходы к изучению феноменов культурного опыта и форм его опредмечивания.

Отдельным проблемам культуры России, а также традиционным этническим культурам, входящим в ее состав посвящены как классические труды Н.Я. Данилевского, П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Г.В. Вернадского, так и работы современных отечественных ученых: Э.В. Соколова, М.А. Арефьева, А.В. Костиной, А.А. Леонтьева, В.Г. Федотовой, С.С. Хоружего, И.В. Кондакова, Х.Г. Тхагапсоева, Л.М. Мосоловой, И.В. Леонова, В.Л. Соловьевой, С.Т. Махлиной и др. Исследованию особенностей духовной культуры России посвящены работы русских религиозных философов: И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского и др.

Своеобразие общественных и индивидуальных форм культуры, включая их этнические вариации, источники их детерминации и модификации являются центральными проблемами в культурной антропологии у Э. Кассирера, Б. Малиновского, М. Мид, Э. Тайлора, а также у отечественных исследователей М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейна и др.

Следует особо выделить работы социологического и социолингвистического характера, касающиеся различных аспектов социальных и культурных ценностей народов Сибири: А.О. Бороноева, В.Х. Тхакахова, Г.Ф. Бабушкина, Г.И. Донидзе, Н.А. Баскакова, Э.Ф. Чиспиякова, В.В. Радлова, В.И. Вербицкого, Н.Ф. Катанова, С.Е. Малова,

Н.П. Дыренковой, А.П. Дульзона, М.А. Абдрахманова, Т.И. Кимеевой, И.В. Шенцовой, В.М. Теляковой, Ф.Г. Чиспияковой, И.А. Невской, А.В. Есиповой, Н.Н. Курпешко, Н.С. Уртегешева и других сотрудников Кузбасской государственной педагогической академии. Среди представителей новосибирской школы наиболее видными исследователями языков сибирских этносов являлись и являются сотрудники Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев, М.И. Черемисина, Н.Н. Широбокова, И.Я. Селютина, Л.А. Шамина и др.

Отдельные аспекты традиционной культуры этносов Южной Сибири, включая ее языковые особенности, рассматривались главным образом исследователями Института археологии и этнографии (А.П. Окладников, А.Б. Шамшин, А.П. Деревянко, А.Л. Кунгуров, В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, Н.В. Полосьмак и др.), а также Института филологии СО РАН (Н.П. Дыренкова, Е.И. Убрятова, М.И. Черемисина, Н.Н. Широбокова, Л.А. Шамина и др.). Несмотря на то, что в вышеперечисленных трудах СО РАНа затрагиваются различные аспекты изучаемой проблемы, тем не менее, комплексное культурологическое осмысление формообразований культуры как основы существования и развития малого народа, включая коренные этносы Южной Сибири не стало предметом системно-целостного анализа. Поэтому данная работа восполняет пробел, образовавшийся в культурологических и социально-гуманитарных исследованиях проблемы выявления роли, места и связи языка и культуры как основы сохранения культурной и этнической идентичности. Исследуя этнические культуры сквозь призму традиционных ценностей и языка Южной Сибири, автор рассматривает относительное тождество между данными культурами, которое объясняется природным сходством ареала обитания их создателей, общими процессами их истории, быта и деятельностью на основании, а также языковыми контактами.

Значительное влияние на формирование авторской концепции сохранения и развития традиционной культуры этносов Южной Сибири оказали труды как зарубежных, так и отечественных исследователей мифа и ранних форм религии Л. Леви-Брюля, Э.Б. Тайлора, Э. Фромма, С.А. Токарева, А.П. Элькина и др. Кроме того, к исследованию данной проблематики привлечены труды классиков западной культурантропологии, социологии и этнологии: В. Вундта, Э. Дюркгейма, Дж. Фрэзера, М. Элиаде. Поскольку важнейшей составляющей традиционной культуры коренных народов являются соответствующие картины мира, то весомое теоретико-методологическое значение для настоящей работы имели труды философов, культурологов, социологов и исследователей материальной культуры, в которых анализируются этнокультурные аспекты жизнедеятельности этносов в тесной связи с когнитивной сферой. Интересный фактический материал и обобщения в этом плане содержат работы В.М. Кулемзина, А.М. Сагалаева и др.

Особо следует отметить работы, касающиеся культурных оснований бытия коренных этносов Южной Сибири, в первую очередь исследования представителей Новосибирской школы этносоциологии и этнофилософии,

методологическая специфика которых заключается в комплексности и в ориентации на междисциплинарный характер исследований. В данном контексте необходимо указать, что отраслевой подход к вопросам исследования традиционной культуры в качестве фундамента жизнедеятельности коренных этносов не раскрывает ее системной целостности, включая комплекс взаимосвязей между ее элементами и языком. Решение этой проблемы возможно при культурологическом подходе, основанном на междисциплинарном синтезе знаний с привлечением концептуального аппарата философии, лингвистики, социологии, археологии, этнографии, истории, фольклористики и других дисциплин. Такой подход реализуется в работах академика Т.И. Заславской, Ж.Т. Тощенко и др.

Общие вопросы этнокультурного менталитета исследованы в трудах В. Вундта, З. Фрейда, Д.С. Лихачева, Ю.М. Федорова и др. На материале ментальных особенностей народностей Дальнего Востока и Сахалина была защищена докторская диссертация дальневосточной исследовательницы А.А. Еромасовой.

В процессе изучения культуры коренных этносов Сибири сформировались различные научные направления, но на сегодняшний день комплексная теоретическая концепция культурогенеза этносов Южной Сибири, включающая языковые аспекты их культур, находится в стадии научного оформления. Вместе с тем, анализ состояния исследований проблемы показал, что накоплен обширный материал, касающийся различных проблем жизнедеятельности и духовного мира коренных южно-сибирских этносов. Следовательно, формируется потребность в интеграции и обобщении достижений социально-гуманитарных наук и, в частности, мировоззренческих, языковых, аксиологических и других особенностей бытия указанных этносов.

Таким образом, изучение различных граней проблематики языковых аспектов культуры коренных этносов Южной Сибири представлено значительным массивом работ, который формирует основу для генерализирующего культурологического исследования. Изучение историогенеза, строения и функционирования культуры исследуемых этносов, в том числе влияния языка на трансформации соответствующих культурных систем дает не просто материал к размышлению о современном состоянии указанных культур, но и практическое руководство к действию по их сохранению, поддержанию и коррекции.

Целью диссертационного исследования является выявление места и роли языка в структуре традиционной культуры коренных этносов Южной Сибири на материале шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) выявить органическую связь языка и духовных ценностей в этнических культурах;
- 2) обосновать естественную взаимосвязь общности духовной жизни и языка с факторами этнической идентичности и национального самосознания;
- 3) провести сравнительно-сопоставительный анализ между национальной

русской и традиционными культурами этносов Южной Сибири в отношении мифо-религиозного компонента;

4) развить культурлингвистическую концепцию языковой культуры как основания «духа народа» или базиса этнической культуры в соответствии с учением В. фон Гумбольдта;

5) выявить особенности вербальных и невербальных языковых контактов народов Южной Сибири как репрезентативного полиэтнического региона России;

6) установить значение билингвизма как характеристики языковой культуры этносов Южно-Сибирского региона на примере анализа взаимодействия русского языка и тюркской языковой традиции;

7) дать сравнительный анализ становления, развития и современного состояния традиционных культур и языка этносов Южной Сибири: шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев;

8) раскрыть особенности культурогенеза шорского этноса и выявить специфику формирования шорского языка;

9) на примере шорского этноса установить общие черты мировоззрения тюркских этносов Южной Сибири;

10) рассмотреть «национально-культурную деятельность» различных организаций и учреждений как один из путей сохранения и воспроизводства традиционной культуры шорского этноса.

Объектом исследования являются социокультурные и языковые особенности коренных этносов Южной Сибири как важнейшей морфологической единицы целостной системы Российской национальной культуры.

Предметом исследования выступает традиционная культура коренных этносов Южной Сибири, ее языковые, духовные и социальные особенности.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Представленная диссертация выполнена на основе единства культурфилософского и культурантропологического подходов. Ведущим при этом выступает методология культурологического исследования. В целях всестороннего изучения поставленной проблемы были использованы основополагающие труды культурологов, философов, лингвистов, этнографов, историков, социологов и представителей иных областей социогуманитарного знания.

Методологический базис данной диссертационной работы обусловлен спецификой объекта и предмета, целью и задачами исследования. Междисциплинарный характер и сложность проблематики потребовали привлечения широкого спектра как общенаучных, так и частнонаучных культурологических методов, включая методы смежных гуманитарных наук, базирующихся на целостном подходе к решению проблемы взаимосвязи культуры и языка:

1. Системный подход, позволил получить новые знания о месте и роли языка в системе культуры, а также дал возможность раскрыть культурогенетические процессы Южно-Сибирского региона во всем

многообразии сложных элементов и процессов, составляющих содержание системного строения его культуры. Традиционные культуры, включая их языковые сферы с точки зрения системного подхода, представляются целостными образованиями, состоящими из множества взаимосвязанных элементов и подсистем, находящихся в отношениях иерархического соподчинения. Анализируя культуру Южно-Сибирского региона как целостное явление, системный метод позволил отслеживать сложный комплекс взаимосвязей между ее различными сферами (языковой, экономической, политической и др.).

2. Семиотический метод, исходя из понимания знаковой природы культуры, в том числе как «текста», как символической системы, позволил рассмотреть любое явление культуры, как материальной, так и духовной, в свете упорядоченного набора знаков и символов, имеющих определенное содержание. В контексте данного метода были изучены аутентичные тексты южно-сибирских этносов.

3. Историко-культурный метод, включая его диахронный и синхронический аспекты, как приоритетный в изложении явлений, фактов, событий культуры на территории Южной Сибири, применен для оценки социокультурной динамики шорского, хакасского, тувинского и алтайского этносов и иных этнических групп. Данный метод позволил сформировать и дать оценку культурно-историческим явлениям в хронологически определенном историческом контексте: досоветском (имперском), советском и постсоветском.

3.1. Диахронический метод дал возможность проанализировать и оценить своеобразие традиционных культур шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев в последовательном развитии основных этапов их генезиса.

3.2. Синхронический метод способствовал установлению взаимосвязей между явлениями и процессами культуры и социального бытия исследуемых этносов Южной Сибири.

4. Сравнительно-исторический метод, позволивший провести исследование этнокультур в процессе их взаимодействия, взаимопроникновения, установления закономерностей, их своеобразия и сходства, дал возможность раскрыть самобытность культурогенеза исследуемых этносов.

5. Герменевтический метод, дающий возможность проникнуть в сущность понимания процессов, которые протекают в системе взаимосвязи языка и культуры коренных этносов Южной Сибири, что позволило понять специфику исследуемых явлений сквозь призму аутентичных текстов.

6. Историко-типологический метод был применен в анализе сходства и различий культур этносов Южной Сибири, что дало возможность установить внутреннее сходство изучаемых явлений через призму структур культурных систем путем восхождения от абстрактного к конкретному и выявить на этой основе типологическую близость элементов регионального историко-культурного процесса.

7. Структурно-функциональный метод, позволяющий рассмотреть

культуру данных этносов как подсистему целостной российской социально-культурной системы, каждый элемент которой выполняет служебную роль в общей системе регуляции общественной жизни. Этот подход позволил вычлнить все структурные элементы традиционной культуры южно-сибирских этносов, понять, как они взаимосвязаны между собой и сферой национальной русской культуры. Это дало возможность выяснить роль культурных феноменов для обеспечения специфически человеческого способа жизни и удовлетворения социокультурных потребностей человека.

8. Историко-фактологический метод использовался для реконструкции и описания событийной культуры и факторов деятельности этносов Южно-Сибирского региона.

9. Метод статистического анализа, дающий возможность оценить особенности социального, национального состава населения исследуемого региона, способствовал установлению идентичности этносов Южно-Сибирского региона, в частности, описания мифо-религиозного компонента традиционной культуры.

Кроме того, методология культурологического подхода в диссертации опирается на два важнейших принципа:

– принцип историзма, который состоит в том, что все явления, события, факты культурного процесса рассматриваются в контексте того исторического времени, тех условий (социальных, экономических, политических, нравственно-психологических и др.), в которых они происходили. Всякая попытка «изъятия» из соответствующей исторической эпохи и перенесение в мир современных критериев и оценок этих явлений прошлой культуры грозит упрощением, непониманием и искажением реальных историко-культурных процессов;

– принцип целостности, суть которого заключается в том, что изучение любого периода, этапа в развитии культуры должно включать в себя все многообразие явлений, событий и фактов культуры.

В работе также использованы частно-научные методы и методики, в частности: этнографический метод, включающий наблюдение за бытом и нравами коренных этносов Южной Сибири, лингвистический (анализ языковых структурных подсистем), методика анкетирования и др. Теоретико-культурологический аппарат исследования диссертации был подкреплён авторским социологическим исследованием.

Эмпирической и источниковой базой исследования послужили материалы этнографических экспедиций, в том числе отчеты ряда экспедиций, проведенных автором настоящего исследования в Горной Шории (пос. Чабал-Су, пос. Теба, пос. Усть-Анзас, г. Междуреченск в 2006, 2007, 2012, 2013, 2016 гг.), Хакасии (пос. Балык-Су, пос. Аскиз, г. Абаза, г. Абакан в 2007, 2012, 2014 гг.), Туве (пос. Кара-Холь, пос. Кызыл-Даг, пос. Бай-Тал, г. Кызыл в 2011, 2015 гг.), Алтае (пос. Балыкча, пос. Усть-Пыжа, пос. Кебезень, пос. Кызыл-Таш, г. Бийск, г. Барнаул в 2010, 2013, 2017 гг.), Иркутской области и Бурятии (пос. Хужир, пос. Усть-Ордынский, пос. Селенгинск, улус Хошун-Узур, г. Улан-Удэ, г. Иркутск в 2008 г.).

Архивы СО РАН, материалы социологических исследований дали возможность автору диссертации провести сопоставительный анализ традиционных ценностей представителей шорского этноса, хакасов, тувинцев и алтайцев, определить формы этнической идентичности представителей этих южно-сибирских народов.

Юридические аспекты межкультурного этнического взаимодействия раскрыты в международных правовых нормах ООН, ЮНЕСКО, законах и постановлениях правительства Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) Обоснована и сформирована авторская концепция сохранения и развития традиционной культуры этносов Южной Сибири как основы жизнедеятельности человека на базе следующих традиционных ценностей: семья, семейные отношения и детство, функционирование и знание родного языка, гармония во взаимоотношениях человека и природы;

2) Реконструированы основы процесса формирования традиционных этнических культур коренных этносов Южной Сибири как важной составляющей самобытности культуры России;

3) С позиций культурологического подхода дан сравнительно-сопоставительный анализ русской национальной и традиционной культуры этносов Южной Сибири в русле концепции языковой культуры этноса («духа народа») В. фон Гумбольдта;

4) Выявлена сущностная роль феномена билингвизма в этнокультурном развитии многонационального региона на примере гармоничного сосуществования русской и тюркских этнических общностей Южной Сибири;

5) Раскрыты и обоснованы пути сохранения и поддержания культур этносов Южной Сибири в контексте межкультурного взаимодействия в исследуемом регионе России;

6) Охарактеризованы особенности шорского языка и культуры в их сопоставлении с тюркоязычными этносами Южной Сибири, а также в сопоставлении с русским языком;

7) Раскрыто своеобразие и роль мифо-религиозного компонента мировоззрения шорского этноса в традиционной культуре шорцев, включая его влияние на процесс самоидентификации данного этноса. Это относится к гармонизации отношений к природе, исходя из трехуровневого понимания мира: Верхний, Средний и Нижний, включая различные аспекты его одушевления;

8) Выявлено значение национально-культурной деятельности и ее роли в сохранении и воспроизводстве как шорского этноса, так и иных этносов Южной Сибири;

9) Разработана типология ключевых признаков традиционной культуры этносов Южной Сибири: шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культурный код этноса в самом общем виде складывается из особенностей исторически сложившихся ценностно-смысловых оснований, мифо-религиозных представлений, ритуалов, традиций и др., форм духовной и материальной культуры. Значимым компонентом культурного кода, наряду с

перечисленными формами, является язык. Современные трансформации традиционной культуры этносов Южно-Сибирского региона во многом обусловлены изменениями их языковой составляющей.

2. Традиционные культуры формируют все аспекты жизнедеятельности социума, включая в себя как универсальные духовные ценности, так и их локально-этнические вариации, во многом определяющие специфику данных культур. В контексте современных глобализационных процессов превалирует урбанизация и интернационализация, порождая унификацию системы ценностей. Эти процессы провоцируют снижение роли традиционных аксиологических составляющих культуры, что находит свое подтверждение в современном состоянии коренных этносов Южной Сибири.

3. Культура в своем развитии несет не только аккумуляционную функцию, но и реализует связь человека с человеком. Связующим звеном здесь выступает язык, являющийся основой как светской, так и религиозной духовности. Существование культуры этносов Южной Сибири проникнуто атмосферой духовности, другими словами, умением познавать, принимать и ощущать на индивидуальном уровне такие явления как истина, доброта и красота сквозь призму своего сознания, призму своего «Я». Ведущим компонентом традиционной культуры, как русского этноса, так и тюркских этносов Южной Сибири выступает религиозно-мифологическая матрица, являющаяся базовым фактором для формирования и развития языка и оказавшая влияние на взаимозависимость русских и тюрков.

4. Духовные ценности традиционной культуры этносов Южной Сибири по отношению к традиционной русской культуре во многом близки (иногда тождественны). Это отношение к семье и детству как высшей ценности, к окружающему миру, родному языку, толерантное отношение к представителям других этносов (народов), их верованиям и социальному бытию.

5. Язык в концепции Гумбольдта тесно связан с мышлением, сознанием, социальной и культурной жизнью представителей тех или иных этносов. Исходя из того, что Гумбольдт трактует тождество языка и «духа народа» через тождество объективного и субъективного, возникает связь и корреляция образов, эмоций, менталитета с языком. Данное положение находит свое подтверждение в специфике связи языка и духа этносов Южной Сибири, выступая основанием их традиционных культур.

6. Анализ межэтнических установок этносов Южной Сибири показывает их явную позитивную этническую идентичность. Это подтверждено практикой толерантных отношений между этносами, а также обосновано вербальными и невербальными средствами коммуникации, формирующими целостность языковой культуры.

7. В Российской Федерации одновременно софункционируют многие культуры, этносы и национальные общности в пределах многонационального государственного единства, поликультурного и полиязычного общества, что привело к формированию феномена билингвизма. Билингвизм понимается как сосуществование или софункционирование языков в одном лингвокультурном пространстве. Для этносов Южной Сибири двуязычие – основной механизм

культурных трансмиссий (приобщения) к иным культурам, в первую очередь к великой русской культуре.

8. Культурно-сравнительный анализ становления и развития традиционных культур коренных этносов Южной Сибири показывает их значительное тождество; язык выступает как ценность духовного порядка, так и тенденцией социокультурного развития шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев. Это характеризует общность социально-культурного бытия данных этносов.

9. Историческое развитие этноса «шорцы» шло в многовековом по хронологии историко-культурном процессе. Оно испытало на себе воздействие истории Российской Империи, а также советского и постсоветского периодов ее развития. Постсоветский период развития характеризуется наличием ряда кризисных процессов в культурогенезе шорцев: было прекращено издание учебников и художественной литературы на шорском языке, закрыта единственная в мире кафедра шорского языка и литературы в Кузбасской государственной педагогической академии, крайне тревожна демографическая ситуация. Данные симптомы нуждаются в скорейшем преодолении средствами соответствующих гуманитарных технологий, поскольку представляют угрозу для стабильного культурогенеза шорского этноса. Авторская программа сохранения и развития традиционной культуры шорцев полагается в качестве одной из этих технологий.

10. Способность этноса к саморазвитию зависит от сохранения стержневых структур его мировоззрения, а также сознания (осмысление своих связей с миром, а также с другими этносами) и самосознания (понимание внутреннего пространства жизни этноса, социальной и природной среды). Структура миропонимания шорцев представлена тремя мирами: Верхний, Средний и Нижний, включая различные аспекты его одушевления. Эти миры не находятся в полной изоляции и функционируют по общему принципу. Проводником между ними выступает шаман. Идея реального сосуществования различных уровней бытия и их гармонии является одной из ведущих в традиционной культуре тюркских этносов Южной Сибири, она характеризует мировоззренческие особенности шорской культуры, а также отражается на самоидентификации этого этноса.

11. С одной стороны, глобализационные процессы могут способствовать расширению человеческих представлений о себе и окружающем мире, знакомить людей с культурным и цивилизационным многообразием, делать их более толерантными к другим. В данном аспекте глобализацию следует рассматривать не в качестве объективно существующей общемировой тенденции, а скорее, как почву для формирования нового мировоззрения. Однако западная модель глобализации, тесным образом связанная с вестернизацией, ориентирована на общество массового потребления и унификацию культурных ценностей, повсеместное насаждение западного масскульта. Альтернативным вариантом развития является глобализация, основанная на межкультурной коэволюции. Ее можно охарактеризовать как евразийскую культурологическую модель. Для этносов Южной Сибири данный

аспект находит свое реальное воплощение через механизм национально-культурной деятельности.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы представляют интерес для дальнейшего изучения традиционной культуры коренных этносов, а также для комплексных исследований социальных аспектов их жизни. Диссертация может быть использована и при проведении исследований, связанных с функционированием традиционных ценностей в контексте современной культуры. Положения и выводы работы могут быть полезны при разработке концепции государственной и региональной социальной и культурной политики, политики возрождения этноса и этничности, в процессе создания программ развития культуры коренных этносов Южной Сибири.

Практическая значимость исследования. Работа носит междисциплинарный характер и представляет интерес для культурологов, философов, психологов, антропологов, историков, лингвистов и специалистов других областей.

Положения, разделы диссертации и выводы могут быть использованы:

- для разработки лекционных курсов, учебных пособий по культурологии, социальной философии, культурной антропологии и др.;

- в качестве методологических ориентиров для исследования проблем взаимосвязи культуры и языка;

- в определении и решении практических задач в области духовно-нравственного развития российского общества, культурных и национально-этнических отношений и т.д.

Апробация работы. Теоретические положения и выводы диссертационного исследования были изложены на конференциях, симпозиумах, круглых столах различного уровня:

1. Соединенные Штаты Америки: LACUS Linguistic Association of Canada and the United States. Brooklyn College, NY (Лингвистическая Ассоциация Канады и США, Нью-Йорк, август 2015).

2. Австрия: Research on the priority of higher education on-directions of science and technology (Международная научная конференция: «Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники, июль 2014); XXV Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной науки», Вена, апрель 2015.

3. Польша: IV Международная научно-практическая конференция «Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия», апрель 2014; Literatura i kulturoznawstwo. Współczesna nauka. Nowy wygląd (Филология и культурология. Современная наука. Новый взгляд) Wrocław (Вроцлав), январь 2015; Filologia, socjologia i kulturoznawstwo: współczesne tendencje w pauce i edukacji Kraków (Филология, социология и культурология: современные тенденции в науке и образовании), январь 2016; Nauka wczoraj, dziś, jutro (Наука вчера, сегодня, завтра) Warszawa Варшава, сентябрь 2016.

4. Российская Федерация:

- 4.1. Москва: XI Студенческая международная заочная конференция

«Молодежный научный форум: гуманитарные науки», апрель 2014; Третья международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования: новое слово в науке», май 2016; Научная дискуссия: вопросы экономики, педагогики, психологии, филологии и философии, февраль 2017; Международная научно-практическая конференция в рамках международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, май 2018.

4.2. Санкт-Петербург: Международная научно-практическая конференция «Человек, общество, природа (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)», март 2013; XVI Ежегодная конференция «Путь Востока. Культура. Религия. Политика», июнь 2013; X Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых «Культура России в XXI веке – прошлое в настоящем, настоящее в будущем», май 2014; VIII Международная научная конференция «Ценности глобального мира: социальные ориентиры и личностный выбор», ноябрь 2014; II Международная заочная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны», январь 2015; Международная научно-практическая конференция «Научный вклад молодых исследователей в сохранение традиций и развитие АПК», март 2015; Международная научная конференция «Многообразие и единство славянского мира: наука, культура, искусство», октябрь 2015; Научная конференция «Этническое и социальное: формы взаимодействия и конфликты», февраль 2016; I Международная научно-практическая конференция «История, культура, искусство: опыт прошлого взгляд в будущее», январь 2017; Междисциплинарная научная конференция «Язык и пространство этнокультурного диалога», май 2017; Международная научно-практическая конференция «История, цивилизация, общество: опыт, современное состояние и пути развития», сентябрь 2017.

4.3. Новосибирск: XLVIII Международная научно-практическая конференция «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии», май 2015; Международная научно-практическая конференция «Культурные ценности и традиции современного общества», ноябрь 2016.

4.4. Екатеринбург: XI Колосницинские чтения «Культурная память и культурная идентичность», март 2016.

4.5. Белгород: Международная научно-практическая конференция «Человек, общество и культура в XXI веке», октябрь 2017.

Материалы, обобщения методологического характера были использованы на методологических семинарах и заседаниях кафедры философии и культурологии и кафедры иностранных языков и культуры речи ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данное диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 24.00.01 – теория и история культуры:

п. 1.3. исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и

ментальные аспекты теории культуры,

- п. 1.5. морфология и типология культуры, ее функции,
- п. 1.6. культура и цивилизация в их историческом развитии,
- п. 1.7. культура и религия,
- п. 1.8. генезис культуры и эволюция культурных форм,
- п. 1.9. историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов,
- п. 1.12. механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре,
- п. 1.15. роль культурного наследия в жизнедеятельности общества,
- п. 1.17. компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство),
- п. 1.19. культура и этнос,
- п. 1.24. культура и коммуникация,
- п. 1.25. язык как феномен культуры, как проявление национального своеобразия и фактор межкультурного общения,
- п. 1.28. культурные контакты и взаимодействие культур народов мира,
- п. 1.29. культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики,
- п. 1.33. институты культуры и их функции в обществе,
- п. 3.9. социальные условия развития массовой и народной культуры в современных условиях,
- п. 3.24. воздействие новых социальных ценностей на феномен духовной культуры общества (предпринимательство, неформальные движения, инновационные технологии и т.п.),
- п. 3.33. культурологическое образование как система гармонизации отношений человека и природы и усвоения экологической культуры.

Структура работы. Структура диссертации обусловлена целью работы, последовательным решением поставленных задач и логикой раскрытия темы, состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения. Объем диссертации – 440 страниц, в том числе 4 таблицы, список литературы насчитывает более 800 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется цель и задачи работы, рассматривается характер и степень ее научной разработанности, методологические и теоретические основания исследования, указывается научная новизна и положения, выносимые на защиту.

Глава I. «Этническая и национальная культуры как базовые основания жизнедеятельности человека» состоит из трех параграфов, в которых анализируется общее состояние современного культурологического и культурантропологического знания по проблеме языкового содержания этнических культур, вопросы этнического самосознания и идентичности, места и роли мифо-религиозного компонента в системе духовных ценностей традиционной культуры.

В первом параграфе **«Этническая культура и языковая трансляция культурного кода»** дается общий обзор методологических основ лингвокультурологии как одной из становящихся отраслей современного культурологического знания. Она ставит своей целью сформировать образ целостного мира на основании языковых данных. В этом качестве лингвокультурология – интегративная область знаний, вобравшая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру⁶. В культурологическом качестве лингвокультурология решает задачу выявления роли языка как духовной ценности в становлении культуры. Отметим, что задачей осмысления взаимосвязи культуры и языка занимаются ряд отечественных культурологов и философов, лингвистов и социологов культуры: Ю.Д. Апресян, В.В. Воробьев, Ю.Н. Караулов, Л.Б. Никитина, А.М. Кубрякова, А.Я. Флиер, И.В. Кондаков, А.С. Мамонтов и др. Такой подход можно считать целесообразным по ряду причин, включая необходимость изучения множества значимых языковых явлений с учетом влияния развития и функционирования общества и его культуры. Правомерно это и в отношении становления национальной и этнической культур.

При анализе темы культурно-языкового взаимодействия в истории этноса, по нашему мнению, повышенное внимание следует уделять аспектам, играющим важную роль в постижении некоторых конвергентных и дивергентных процессов, сопутствующих образованию моно- и поликультурных народных общностей. Рассматривая язык и культуру в качестве независимых систем, нельзя забывать о наличии между ними прямых и непрямых взаимосвязей и соответствующего взаимодействия. В первом случае, язык и культура соотносятся с мышлением и, соответственно, через эту связь соединены друг с другом. Как неотъемлемый и существенный компонент

⁶ Маслова В.А. Homo Lingualis в культуре : монография / В.А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – С. 19.

мышления язык присутствует во всех сферах духовной культуры или, как писал Цицерон «культуры Духа». Во втором случае, языковая знаковая система является носителем, а следовательно и хранителем культурной информации. Спектр подобной информации фактически бесконечен: в нем представлено как мировосприятие, базирующееся на логике и рациональности, так и мировосприятие, в основе которого лежат чувственность и эмоциональность.

Диссертант отмечает, что духовное постижение природы социума транслируется как пространственно, так и территориально. В первом варианте, подразумевается синхронная трансляция, необходимая для образования внутри- и межэтнического цивилизационно-культурного континуума. Во втором варианте, происходит диахроническая, межпоколенческая передача информации, требующейся для исторической преемственности внутри этнической группы. В процессе передачи культурных достижений особую значимость имеет проблема сохранности духовных ценностей, в том числе родного языка как основополагающей этнической ценности.

Использование языка как этнокультурной ценности и важнейшего средства межкультурной трансляции рассматривается под двумя аспектами: «язык-культура» и «культура-язык». Позиция «язык-культура» основывается на наличии специфических особенностей языковой знаковой системы. В работе выделяется ряд субстанциональных свойств языка:

во-первых, язык выступает как универсальная знаковая система открытого типа, саморазвивающийся и эволюционирующий организм. Причины этого саморазвития лежат внутри этносоциального коллектива, и язык выступает здесь в качестве ведущего средства общения;

во-вторых, причина точности и полноты вербальной информации, по большей части, проистекает из схожести воспроизведения языковых схем, что содействует ускоренному «расшифровыванию» данных и уменьшению коммуникативных потерь;

в-третьих, многообразие методов выражения, существующих в рамках языковой знаковой системы, сопутствует их изначальной компактности. Такая особенность принципиальна для СМИ в силу того, что делает возможным сгущение информации для достижения максимальной насыщенности каналов коммуникации;

в-четвертых, не меньшей значимостью обладает сама схема устройства языковой системы с делением на две части – центр и периферию. Благодаря этому в существующим перечне языковых знаков можно отделить маргинальные языковые знаки от часто используемых.

Автором подчеркивается, что существует непосредственная связь между связкой «культура-язык» и языковым коллективом, этносом, нацией. Поскольку этнос всегда является носителем традиционной культуры, народных обычаев и ценностей, генерируемый им образ окружающей действительности наиболее полным образом проявляется в фольклорных и литературных произведениях. Созданная этносом картина мира отражается в религиозной, философской, литературной, идеологической и прочих сферах. В ней присутствуют определенные константы, присущие конкретному народу

ценности, обычаи и миропонимание. Такая картина мира может постепенно изменяться сообразно требованиям эпохи, тем не менее, ее суть, основа, всегда остается неизменной.

Мировидение этноса носит лингво-историко-этнологический характер, если анализировать его с точки зрения особого внутреннего отображения миропонимания конкретной народности. Однако в то же время в подобной картине мира не отображаются свойственные человечеству в целом принципы, методы постижения окружающего мира, его терминологическое восприятие. Проанализировав мировидение разных этносов, можно выяснить, в чем состоят их основные культурные отличия, и как на их основе формируется общемировая культура. В любом «мире» либо «микромире» присутствуют особые речевые схемы, образуемые посредством слов-концептов или языковых констант. В фундаменте этнокультуры в виде поведенческих регуляторов людей находятся не только врождённые, но и полученные в ходе социализации особенности – культурные стереотипы. Усвоение культурных стереотипов начинается тогда, когда у индивида развивается самоидентификация с конкретной этнической группой и культурой, когда возникает ощущение собственной принадлежности индивида к ним. Можно сделать вывод, что именно родной язык сильнее всего влияет на формирование этнической самоидентификации. С точки зрения культурологического подхода язык может рассматриваться как «средство», или «механизм», культурно-информационной трансляции. Именно так он рассматривается в исследовательском поле культурологии.

В работе отмечается, что в семиотике используется два ключевых подхода к изучению культуры. Первый подход основывается на работах американского ученого Ч.С. Пирса, а второй – на разработках Ф. де Соссюра. В концепции Пирса знак представляет собой основной термин, относящийся к исходным и простым; в его роли может выступать любой объект, подменяющий собой иной объект, который нельзя поделить на меньшие элементы, обладающие релевантностью в рамках семиотики. Пирс считал, что семиотика культуры является специальной частью семиологии, изучающей знаковые комплексы, существующие в разных культурах. В то же время Ф. де Соссюр полагал, что знаки по отдельности существовать не могут, поэтому каждый знак создает собственные связи не с подменяемым им предметом, а с иными знаками, являющимися частью того же языка. Отсюда следует, что знак существует в системе благодаря наличию в ней иных знаков. Естественный язык выражает систему отношений и считается знаковой системой, характеризующейся фундаментальностью и универсальностью. Отталкиваясь от точек зрения структуралистов и лингвистов-теоретиков Ф. де Соссюра и Р.О. Якобсона, постмодернист Р. Барт пришел к выводу, что социум придает знакам общественного дискурса второстепенные, коннотативные смыслы, дополняет их важным, нередко неосознаваемым смысловым содержанием. Такие смыслы, дополняющие дискурс, постоянно появляются в любом языке.

В человеческом языке существует объединение и разграничение естественных и культурных семиотик. Так, Р.О. Якобсон отводит языку

промежуточное место между природным миром и культурой. Описывая важнейшую функцию языка в качестве фундамента семиотического континуума культуры, Р.О. Якобсон акцентировал внимание на его биологических истоках. Ю.М. Лотман концентрировался на противопоставлении лингвоцентризма Якобсона и концепции изначальной равноправности культурных кодов. Лотман упоминает, что с данной точки зрения основная задача коммуникации заключается в адекватности диалога. Исходя из семиотического устройства групп людей, в ходе прямого вербального и текстового общения, участники информационного обмена употребляют не один универсальный, а два отличающихся, однако, в некоторой степени, совпадающих кода.

Автор диссертации подчеркивает, что все составляющие культуры нации или этноса – родной язык, произведения искусства, мифы, легенды, обычаи и устои, а также их отличительные черты, отражающие культурный код, представляют собой полноценные знаковые системы, благодаря которым выражаются в зашифрованном виде культурные смыслы. Если коммуникация происходит между членами одной культуры, они без труда декодируют передаваемые сообщения. Намного труднее проходит диалог, если в нем участвуют люди, принадлежащие к разным культурам и разбирающиеся только в кодах собственной культуры. Указывается, что культурный код выражает наиболее значимые культурные особенности, составляющие основу культуры нации и этноса.

Во втором параграфе **«Духовные ценности и языковая составляющая как основа этнической идентичности и национального самосознания»** рассматриваются вопросы, касающиеся содержания национальных и этнических культур, роли в них духовности, формирования этнического самосознания. Национальная культура с точки зрения культурологии представляет собой единство материальных и духовных ценностей народа, а также практикуемых этнической общностью основных способов жизнедеятельности. Она выражается в действиях социума, государственных органов и общественных институтов, а кроме того, в обычаях, ценностной системе, особенностях мышления и жизненных установках, нравственных нормах, образе жизни и менталитета этносов, а также отличительных чертах языка⁷. Культура, в авторском понимании, есть способ осуществления человеческой жизнедеятельности, а деятельностный подход к культуре выступает как один из основополагающих.

Фундаментальные основания культуры, свойственные конкретному социуму, осуществляют этнодифференциацию и этноинтеграцию. Индивид в ходе инкультурации впитывает ключевые компоненты родной культуры, именно на них выстраивается его самосознание, а кроме того, с их помощью формируются особенности индивидуальной ментальности. В гомогенной, как в этническом, так и в языковом смысле, стране чаще всего на первый план выходит только одна культура. Для России – это русская национальная

⁷ Степин В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 527-529.

культура, базовой ценностью которой является русский язык. Можно указать на некоторые различия национальной и этнической культур: основу этнической культуры составляют **традиции и обычаи**.

Традиция, как пишет Э.С. Маркарян, – это любой коллективный (групповой) стереотип деятельности, базирующийся на научении⁸, а культурная традиция – одно из средств культуры, которое охватывая всю систему культуры, буквально проникает во все ее «поры»⁹. В свою очередь **обычай** – унаследованный стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов¹⁰. С.А. Арутюнов под **обычаем** имеет в виду такие стереотипизованные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение, тогда как **ритуал** охватывает только те формы поведения, которые являются чисто знаковыми и сами по себе практического значения не имеют¹¹. Помимо традиций и обычаев, формирующих структуру и содержание этнической культуры, необходимо выделить **обряд и ритуал**. **Обряд** является разновидностью обычая, символом определенных социальных отношений, в то время как обычай может быть средством практического преобразования и использования различных объектов¹². **Ритуал** же имеет лишь символическое значение, в этом плане наиболее известны церковно-религиозные ритуалы (крещение и миропомазание в христианстве, например, и др.). В качестве основного регулятора поведения обычаи и ритуалы выступают лишь в примитивных этнографических обществах.

Социум остро нуждается не только в необходимых и своевременных изменениях, но и в стабильности, а именно для этого и существуют простые правила или нормы поведения. От традиции норма отличается тем, что распространяется не на деятельность целиком, а лишь на ее часть. Толкотт Парсонс как социолог составил классификацию социальных норм. Она охватывает биологический организм (индивидуальное психологическое состояние человека, включая инстинкты и биологические потребности, влияющие на поведение человека); систему личности («Эго»); мотивационную структуру индивида. Организм и система личности вместе образуют «базисную структуру» и представляют собой совокупность индивидуальных потребностей и диспозиций (целестремление как удовлетворение потребностей). Социальную систему образуют: совокупность образцов поведения; социальное взаимодействие (интеракция) и социальные роли (интеграция); система культуры – духовные ценности и социальные нормы, необходимые для стабильного функционирования общества. Укажем еще раз на особое значение языка как ведущей духовной ценности.

⁸ Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э.С. Маркарян. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С. 479.

⁹ Там же. – С. 484.

¹⁰ Гофман А.Б. Обычай / А.Б. Гофман // Большая советская энциклопедия / глав. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Сов. энциклопедия, 1974. – Т. 18 : Никко-Отолиты. – С. 785.

¹¹ Арутюнов С.А. Обсуждение статьи Э.С. Маркаряна / С.А. Арутюнов // Советская этнография. – Москва : Изд-во АН СССР, 1981. – С. 97

¹² Там же. – С. 785.

Национальный язык представляет собой язык нации, сформировавшийся на базе этнического языка в ходе превращения народа в нацию. Национальный язык вмещает в себя несколько языковых форматов: народно-разговорные вариации, литературный язык и различные диалекты. По мере развития национального языка в нем значительно изменяются пропорции литературного языка и диалектов. Учитывая, что литературной форме свойственно непрерывное развитие и лидирующие позиции, она со временем замещает диалекты. Национальный литературный язык является важнейшей социокультурной ценностью нации как социальной общности. Однако сегодня он нуждается в защите и сохранении. В русле процессов глобализации мы сталкиваемся с ситуацией, когда современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка, на международных научных конференциях все доклады читаются и публикуются по-английски, а международные переговоры зачастую ведутся не через переводчика, а на английском языке с обеих сторон. В то же время международная роль русского языка (не говоря о языках этнических меньшинств) падает. На наш взгляд русский язык рискует со временем попасть в число слабеющих языков, будущее которых ограничится частной сферой и фольклором. Поэтому необходимы организационные меры по защите русского языка как ведущей отечественной национальной духовной ценности.

Мы разделяем понимание ценностей, данное М.С. Каганом о том, что ценность – это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту¹³. Нам также близка точка зрения Г.В. Стельмашука: «Ценность представляет собой объективную значимость явлений (вещей, идей, процессов, отношений) в качестве ориентиров человеческой деятельности, содержание которых обусловлено общественными потребностями и интересами субъектов»¹⁴. В любом случае очевиден факт, что ценности, составляя ядро материальной и духовной культуры, не даются человеку изначально. Они формируются и развиваются по мере его социализации в институционально сложившуюся культуру, постепенно превращаясь в важнейший регулятор его повседневной жизнедеятельности и личностного становления. На ведущую роль ценностей в культуре социума в свое время указывал знаменитый русско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин, отмечая, что для идеационального типа культуры характерна всесторонняя, то есть существующая в науке, искусстве, философии, праве и т.д. и даже в быту ориентация на трансцендентные (потусторонние, сверхчувственные) ценности. В культуре чувственного типа (сензитивный тип культуры), напротив, преобладают ценности материального характера. В идеалистическом типе синтезированы ценности культур этих двух типов. Наряду с этим существует и такой тип культуры, в рамках которого ценности чувственного, идеационального и идеалистического типов сосуществуют, не образуя органической связи. Такой тип культуры характерен, как правило, для

¹³ Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – С. 66.

¹⁴ Стельмашук Г.В. Культура и ценности / Г.В. Стельмашук // Актуальные проблемы философии, социологии и культурологии. – Санкт-Петербург. – 2000. – Т. 5. – Вып.2. – С.7.

эпохи упадка.

В работе отмечается, что классификация ценностей по причине субъективности носит довольно условный характер. Несмотря на это в специальной литературе описывается несколько категорий ценностей и их разновидностей:

- витальные: право на жизнь, забота о здоровье, социальная и физическая защищенность, финансовое, семейное и психологическое благополучие, удовлетворение первичных нужд (сытость, спокойствие, жизнерадостность), выносливость, достойный уровень жизни и потребления, проживание в экологически чистом регионе, удобство, комфортность проживания и пр.;

- социальные: получение желаемого статуса в социуме, усердный труд, достижение преуспевания, успех в профессиональной деятельности, достойная карьера, наличие семьи и близких, любовь к родине, толерантность, дисциплина, инициативность, способность рисковать и достигать поставленных целей, равноправие, самостоятельность, отсутствие зависимости от других, ориентация на прошлое либо будущее, общественная активность;

- политические: соблюдение прав человека и гражданина, свобода слова, конституционный строй, государственность, верховенство закона, поддержание правопорядка, мирная жизнь;

- моральные: доброта, благорасположение, любовь к ближним и детям, товарищество, долг перед семьей, обществом и страной, личное достоинство, добросовестность, альтруизм, добропорядочность, преданность, взаимовыручка, справедливость, учтивость в отношении старших;

- религиозные: вера в Господа, соблюдение моральных заповедей, совершение обрядов, чтение Евангелий, посещение храмов;

- эстетические: создание эталонов красоты, служение идеалам, стилистическое единство, гармоничность, соблюдение традиционных устоев, новшества и нововведения, эклектичность, сохранение культурного своеобразия¹⁵.

Учитывая цель представленной диссертационной работы – установление значимости языка как основной духовной ценности в системе традиционных культур коренных южно-сибирских этносов, ставится задача выяснить, в чем заключается функция духовных ценностей. Проанализировав литературные источники, освящающие этот вопрос с точки зрения культурологии, философии, социологии, социальной психологии и педагогики, мы выделяем несколько подходов к определению духовности: а) космологический, б) теологический, в) когнитивный, г) аксиологический.

С нашей точки зрения, духовные ценности представляют собой преломление феномена духовности в сознании индивида как личности и в жизнедеятельности общества. Полностью они раскрываются в рамках этнически-ориентированной культуры и самосознания. В трудах известнейшего отечественного этнографа Ю.В. Бромлея этнос трактуется как исторически

¹⁵ Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек : (социально-философский аспект) / А.Ю. Шадже. – Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 1996. – 168 с.

сформировавшаяся человеческая общность, отличающаяся схожими или одинаковыми, в значительной степени постоянными культурно-языковыми и психологическими признаками. В академической литературе встречается сокращенное определение, в рамках которого этнос, как правило, называется осознанной культурно-языковой общностью. Самосознание, мировосприятие, самоназвание и менталитет таким образом являются ключевыми признаками этноса.

В литературных источниках сложилось представление об «этничности» как о комплексе отличительных особенностей культуры, свойственных конкретной этнической группе (Ф. Барт, А. Коэн и др.). К ним относятся: 1. Атрибутивность. 2. Устойчивость. 3. Интенсивность. Отметим, что основным фактором этнического самосознания выступает отождествление индивидуумов с некоторой совокупностью людей, имеющей общее название (этноним). Этническое самосознание – ключевой элемент этнокультуры. Его также отождествляют с менталитетом, который включает характерные для конкретного этноса черты – мировоззрение, миропонимание, убеждения, стереотипы. Менталитет, будучи частью подсознания, складывается в рамках обыденной, бытовой культуры и в то же время сильно влияет на нее. Он выступает основой этнической идентификации.

В третьем параграфе **«Традиционная культура коренных этносов Южной Сибири и русская национальная культура: опыт культурологической реконструкции мифо-религиозного компонента»** автором проводится сопоставительный анализ ценностных оснований этнокультур Южной Сибири и русской национальной культуры. В рамках культурологического подхода, как отмечает А.В. Костина, традиционная культура – культура, воспроизводящая такого субъекта исторического действия, как коллективная личность, для которой наиболее характерно отождествления себя с социальной группой, все представители которой объединены общностью культурных связей и механизмов жизнедеятельности¹⁶. На наш взгляд, исходя из методологии деятельностного подхода, данное определение можно дополнить тем, что традиционную культуру следует трактовать как разновидность человеческой духовности, появившуюся благодаря практикуемым способам жизнедеятельности, а конкретно: оседлости и земледелию; собиранию, охоте и рыболовству; кочевничеству и скотоводству, либо их комбинации. Данная разновидность культуры является независимым элементом общечеловеческой культуры.

Исходя из заявленной цели настоящего исследования, мы обращаемся к сопоставительному анализу традиционной культуры коренных этносов Южной Сибири и национальной культуры русского народа. Говоря о русской духовной культуре, необходимо отметить условный период ее становления в рамках христианской цивилизации IX-XI веков в ходе процессов образования государства у восточных славян и приобщения их к православию. Большое

¹⁶ Костина А.В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия / А.В. Костина // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – 2009. – №4. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/>. – Загл. с экрана. – 20.05.2019.

влияние на формирование этого типа культуры оказывал геополитический фактор – срединное положение России между цивилизациями Запада и Востока.

В.О. Ключевский выделяет специфические черты русской национальной культуры от древнеславянского периода до XX века:

1. Отечественная духовная культура – понятие историческое и многогранное. Она включает в себя факты духовной жизни, процессы и тенденции, свидетельствующие о длительном и сложном развитии как в геополитическом пространстве, так и в историческом времени. Н.Я. Данилевский в этой связи указывал на пограничный ее характер, на особый статус (четырёхосновной) отечественного культурно-исторического типа.

2. Большая часть территории России заселена позднее, чем те регионы мира, в которых сложились основные центры мировой культуры. В этом смысле русская культура – явление относительно молодое. В силу своей исторической молодости русская культура оказалась перед необходимостью интенсивного исторического развития.

3. Длительный период развития русской культуры определялся христианско-православной религией. На многие века ведущими культурными жанрами стали храмостроительство, иконопись, церковная литература. Значительный вклад в мировую художественную сокровищницу внесла древнерусская иконопись, связанная с православной верой (в число святых подвижников РПЦ в свое время внесла великого Андрея Рублева). Укажем, что в связи с этим особое значение в истории отечественной духовной культуры приобрело старообрядчество как попытка консервации «старой веры», т.е. культуры допетровской Руси. В прошлом и сегодня старообрядческие общины Сибири тесно взаимодействуют с коренными этносами этого региона.

4. Специфические черты русской культуры определяются в значительной степени тем, что исследователи называли «характером русского народа», который отразился в мессианской «русской идее» Москва – Третий Рим. Альтернатива «вера-знание», «вера-разум» решалась в России в конкретные исторические периоды по-разному, но чаще всего в пользу веры.

5. Русская духовная культура накопила великие ценности в области художественной культуры, теоретико-философского знания, социально-политической практики (вече, как форма управления, земские соборы, земское самоуправление и т.д.). Задача нынешних поколений – сохранить и приумножить их.

Автор подчеркивает, что в числе характерных для национальной русской культуры духовных ценностей наиболее значимыми и приоритетными являются следующие:

1) мировоззренческие ценности, наиболее важные среди которых – представления о цели и смысле жизни, соборность в социальном и религиозном смысле, православность, совесть и достоинство и др.;

2) общественные ценности, среди которых главными в России всегда считались патриотизм и гражданская ответственность за судьбу страны,

служение Родине, чувство долга и общественное признание. Общеизвестно, что служение во имя Родины стало основой массового героизма в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.;

3) жизненные ценности, среди которых приоритетными являются отношение к родителям и детям, своей семье (вспомним в связи с этим знаменитый «домострой» с его набором русских традиционных ценностей);

4) ценности межличностного общения – такие как любовь, дружба, честность, порядочность, гостеприимство¹⁷.

Что же касается других видов ценностей (демократических, корпоративных, прагматических и эстетических), то они в традиционной российской культуре всегда выступали на втором плане. Обусловлено это, главным образом, ценностными ориентирами православия.

Нравственно-этические ценности были и будут характеризовать содержание национальных и этнических культур. В социальном плане они являются основой экологической культуры, отношения к окружающей природе. Гармония в отношениях Человек-Природа характеризует традиционные культуры коренных этносов России. Посредством проецирования людских качеств на остальной мир происходит моделирование социоприродных феноменов.

Интересны работы Е.Ю. Терещенко, в центре внимания которых находится морская культура Кольского Севера. В своих трудах автор рассматривает морскую деятельность как часть системной целостности культуры, а водное пространство как пространство культуры соответственно. Кроме того, избранный Еленой Юрьевной подход к анализу и изучению культуры (системно-синергетическая модель) дает нам возможность представить морскую культуру как сложный саморазвивающийся комплекс. Можно сказать, что это подсистема в структуре макрокультуры, причем со своей логикой развития и функционирования. Методологически это приемлемо и для анализа традиционной культуры тюркских этносов Южной Сибири.

Остановимся на анализе культуры и картины мира алтайцев, хакасов, тувинцев и шорцев. В настоящее время алтайцев принято считать православными, однако древние верования и обряды отступали очень медленно. Фактически существовало двоеверие, то есть синтез православных и языческих представлений. У алтайцев существовало представление о том, что мир управляется множеством добрых и злых духов, которыми повелевают два божества: добрый создатель мира Ульгень и злой подземный владыка Эрлик. Им обоим в жертву приносили лошадей, мясо которых поедалось участниками церемонии, а шкура растягивалась на шесте и оставлялась на месте жертвоприношения. Алтайцы придавали большое значение общественным молениям. Молились небу, горам, воде, священному дереву – берёзе. Значительное место в верованиях алтайцев занимают представления о духах-хозяевах природы (ээзи). Хозяева воды (сугээзи), как правило, безобидны, но

¹⁷ Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности / К.К. Колин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – Челябинск, 2010. - №1(21). – С. 27-45.

тот, кто увидит такого духа, нередко вскорости умирает. Дух-хозяин Алтая (Алтай ээзи), представляющийся в образе старика или девушки, покровительствует охоте.

В хакасском традиционном мировоззрении Вселенная имеет трехуровневую вертикальную структуру, которая включает Верхний, Средний и Нижний миры, и горизонтальное деление на четыре стороны света. Средний (Солнечный) мир находится в центре Вселенной, в нем живут «солнечные» люди или «люди с солнечной грудью». Хан-Тигир (Великое Небо) – самое почитаемое божество, не носит антропоморфного характера. В хакасских мифах о сотворении мира есть два творца вселенной, Ульген – правитель Верхнего мира, и Эрлик-хан – правитель Нижнего мира. Богиня Ымай (Умай) дарит жизнь (души) людям, покровительствует женщинам и детям. Считалось, что дети до трех лет находятся под ее защитой. Ымай также олицетворяет стихию огня. Богиня От Иней (мать огня) считается защитницей семейного очага. Средний мир населяют солнечные люди и духи (ээзи): хозяева гор – тағээзі, воды – суғээзі, тайги – тайғаээзі. Шаман является посредником между мирами, он может путешествовать в Верхний и Нижний миры и заступаться за человека перед богами и духами. У шамана есть помощники тӧс (теси, духи). Мировая гора и мировое древо являются символами Вселенной, соединяющими три мира.

Относительно мировоззренческих установок тувинцев можно сказать, что они в отдельных моментах отличаются абсолютной уникальностью и не обладают аналогами в общемировом контексте. Несмотря на это, в некоторых аспектах они тождественны миропониманию сибирских и монгольских этносов. Фундаментом мировосприятия тувинцев в первую очередь выступает шаманская мифология. Для обозначения бескрайности, бесконечности Мира использовалось слово «телегей». Первоначальной материальной базой «телегей» у тувинского и алтайского народа являлась вода, а вернее водное пространство, выступившее отправной точкой для создания Мира. Под бескрайностью, безграничностью Мира подразумевалось все сущее – как зримое, так и незримое.

Для исследования в рамках настоящей работы авторский интерес как шорца представляет традиционное мировоззрение шорцев, согласно которому мир так же был разделен на три сферы: небесную землю, где находится высшее божество Ульген; среднюю землю, где живут люди; и земля злых духов, подземный мир, где властвует Эрлик. Эти три части соединяет между собой по оси Мировое Дерево или Гора. Дерево Вселенной упирается своей кроной в небо (Верхний Мир), его ствол проходит через Средний Мир, а корни находятся в земле – Нижнем Мире; аналогично гора вершиной соединяется с небом, а подошвой – с землей. Роль Мирового дерева исполняли кедр или береза. Под березой в основном происходило камлание. Поэтому у шорцев и у других родственных народов береза была особо почитаемым деревом и широко использовалась в различных обрядах и церемониях, например, ветви березы применялись во время свадьбы.

Подводя итог анализа мировоззренческих основ культуры и

жизнедеятельности этносов Южной Сибири, отметим основные положения:

- наиболее предпочтительным для человека является благополучное существование в земном воплощении, естественными характеристиками которого являются гармония, равновесие, порядок;
- отношение к миру оптимистическое, в нем эсхатологические настроения, скорее, заимствованы;
- воздействие сверхъестественной реальности определяется, в конечном счете, степенью предрасположенности человека к традиционным ценностям;
- главными социокультурными ценностями выступают нравственная и физическая чистота, целостность и благополучие семьи и рода, вечное существование этноса;
- нарушение норм нравственности имеет как близкие для самого человека, так и отдаленные негативные последствия для всего рода;
- процесс реинкарнации отдельного человека становится условием вечного существования не только его самого, но и его рода и этноса в целом;
- вечное перевоплощение становится желанным благом, а не проклятием; спасением становится не уход из мира, а вечное возвращение в него;
- культово-ритуальная практика этносов достаточно проста: жертвоприношение, молитва;
- нет идеи богоизбранности, но есть представление о передаче сакрального дара либо по наследству – по родовой линии, либо непосредственно от сакральных сил (духов природы или предков – хранителей).

Традиционная культура коренных этносов Сибири содержит важнейшие мировоззренческие константы:

- а) благоговение перед Вселенной, родной землей, народом и принцип личной ответственности за их судьбы;
- б) социальные нормы, способствующие формированию достоинства и этнической солидарности человека и народа;
- в) умение и стремление жить и обустраивать свою жизнь в избыточной священной реальности, поэтому народы Южной Сибири сумели сохранить свою прекрасную землю и уникальную культуру для своих потомков;
- г) для воссоздания этнической идентичности необходимо вписать ребенка в социум, частью которого является этническая культура. Сама культура народа обладает структурной целостностью в единстве ее ядра и составных элементов.

Мы провели сравнительный анализ мировоззрения коренных этносов Южной Сибири, являющегося исследовательской задачей как внутри языковой общности, так и в сравнении с мировоззренческими представлениями русского народа. В результате можно сформулировать (выстроить) некую схему (закономерность) понимания системы мироустройства:

Таблица 1. Мироустройство тюркских этносов Южной Сибири

Этнос	Управление миром	Структура мира
Алтайцы	пантеон злых и	Верхний мир (Ульгень (создатель мира),

	добрых духов (богов)	Средний мир Нижний мир (Эрлик)
Хакасы	пантеон злых и добрых духов (богов)	Верхний (Ульген) Средний Нижний (Эрлик-хан) через три мира проходит мировое древо (гора)
Тувинцы	пантеон злых и добрых духов (богов)	Небесный (Тенгри-хан / Хантыма) 9 небес Земной (Умай) Подземный (Эрлик-хан)
Шорцы	пантеон злых и добрых духов (богов)	Небесная земля (Ульгень / Тегри) Средняя земля (Ымай) Нижняя земля (Эрлик) миры соединены Мировым древом (горой)
Русские	древнеславянский пантеон злых и добрых духов (богов)	Небесный мир (божества) Земной мир (мужчина и женщина) Подземный мир (хтоническое существо) наличие Мирового древа

Глава II. «Место и роль концепта «языковая культура» в полиэтническом обществе» состоит из трех параграфов и посвящена теоретико-методологическому осмыслению системы языковой культуры как базиса этнической культуры, места вербальных и невербальных средств коммуникации в ней, роли феномена билингвизма в межкультурных взаимодействиях.

В первом параграфе **«Языковая культура как основание «духа народа» или базис этнической культуры в учении В. фон Гумбольдта»** дается обоснование тезиса о том, что, по Гумбольдту, «дух народа» и язык тождественны, а в нашем понимании «дух народа» есть его менталитет или базис этнической культуры. Гумбольдт подходит к пониманию тождественности языка и базисной матрицы этноса через тождество объективного и субъективного. Отметим, что проблема объективного и субъективного – одна из существенных как в онтологии и гносеологии, так и в философии культуры. Объективное трактуется как то, что существует независимо от индивидуального сознания; прежде всего это физические вещи и события в пространстве и времени; другие люди, их действия и состояния сознания; собственное тело индивида. Социально-исторический подтекст в соотношении объективного и субъективного хорошо иллюстрируется на примере взаимоотношения общественного бытия и общественного сознания (марксистская философия). Проблема объективизации и субъективизации также характерна для культурфилософии и лингвокультурологическим построениям. Сегодня считается, что субъективное по-преимуществу является результатом коммуникативных взаимодействий познающего субъекта с другими участниками коммуникации. Предметы культуры и воплощенные в них смыслы (включая орудия, инструменты, приборы, произведения архитектуры, художественные, научные, философские и иные тексты) существуют объективно, но в то же время предполагают **индивидуальных субъектов** (авторов) и **субъектов коллективных** (наций, этносов, социальных

групп и т.д.). Именно субъекты создают предметы культуры и их смыслы.

Субъективное – то, что характеризует субъект или же производно от субъекта и его деятельности. Исторически субъективное было понято в классической философии (начиная с Декарта) как особый внутренний мир сознания, несомненный и самодостовверный, к которому субъект имеет непосредственный доступ. В таком качестве субъективное было противопоставлено объективному миру физических вещей и событий как существующему вне субъективного и как не абсолютно достоверному. Развитие современной философии и психологии дает основание считать, что субъективное, переживаемое нами в качестве чисто «внутреннего» и сугубо личного, не является изначально данным, а строится субъектом в коммуникативных взаимодействиях с другими людьми, в рамках определенной исторически данной культуры.

В работе подчеркивается, что из общности объективного и субъективного, согласно философии Гумбольдта, возникает взаимосвязь образов и эмоций и корреляция этих явлений с языком. Исходя из положения о том, что язык имеет место быть во времени и пространстве, Гумбольдту нужно было развести вопрос о статусе темпоральных процессов в языке. Принимая во внимание факт о том, что время ничего не синтезирует, становится ясно, что устойчивость того или иного предмета во времени является областью физики, а устойчивость образа во времени, в свою очередь, проблемой философии. Опираясь на это, Гумбольдт приходит к решению данного вопроса путем соединения эмоции и языка. По Гумбольдту, дух всепроникающ, самостоятелен, самобытен, целеустремлен, свободен, деятелен, индивидуализирован в определенной степени. А языковая культура трактуется им как организм духа и как его самодеятельность. Сила человеческого духа, по Гумбольдту, высвобождается (выявляется) опосредованно через свои проявления (язык, цивилизацию, культуру и т.д.). Дух же народа выступает некоторым базисом, менталитетом нации и этноса.

Язык для философии Гумбольдта – это основополагающее звено народной (этнической) матрицы культуры. В своих работах лингвокультурологического плана Гумбольдт дает определение языка, ставшее, пожалуй, классическим: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые – и притом неполно – речевой деятельностью; необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно

было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка, по разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи... Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа. Определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой»¹⁸. Причем деятельность здесь понимается как деятельность социальной группы: нации или народа (этноса).

Как утверждает Гумбольдт, «нация» является одной из форм «индивидуализации человеческого духа». Данная форма в свою очередь обладает своим «языковым» статусом. Придерживаясь мнения, что народ (этнос) является духовной формой человечества, которая в свою очередь обладает «языковой определенностью», Гумбольдт отмечает, что специфика данной формы заключается именно в языке. Кроме этого, исследователь указывал, что в процессе формирования нации, кроме языка, также принимает участие и множество иных факторов. По словам ученого, если нации назывались духовной формой человечества, то этим совершенно не отрицались их реальность и их земное бытие. Укажем, что современное понятие «нация» включает в себя как духовные составляющие (культура, язык, духовное как таковое), так и факторы материального порядка (экономика, территориально-географические условия и т.д.), но при приоритете составляющих духовного порядка.

Положения Гумбольдта о том, что язык определяет отношение человека к объективной действительности и само поведение человека, легли впоследствии в основу теории Э. Сепира – Б. Уорфа, разработанной в 30-х годах XX века, согласно которой язык упорядочивает поток впечатлений действительности, а структура языка, в свою очередь, определяет мышление и способ познания реальности того или иного носителя языка. В соответствии с их представлениями, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает и определенное отношение к миру и видит его под углом зрения, «навязанным» структурами языка, принимает картину мира, отраженную в родном языке. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую природную и социальную действительность, то и их носители различаются по способу отношения к ней. Следствием признания гипотезы лингвистической относительности является тезис о том, что язык формирует и хранит в себе определенную систему ценностей.

Диссертантом доказывается, что значение идей Гумбольдта для философии языка и культурологии в целом громадно, поскольку его путь к языку берет курс на человека, а через него к пониманию особенностей национального (этнического) в культуре. Язык и культура – это не только проблема современного теоретического знания, но это и насущная практическая задача. Исследование языковой культуры народов по своей сути

¹⁸ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984 – С. 221.

является проблемой междисциплинарного характера, объединяя теоретическую и прикладную культурологию, изыскания философов и лингвистов, антропологов и социологов культуры.

Во втором параграфе **«Сравнительный анализ вербальных и невербальных средств коммуникации в структуре языковой культуры полиэтнического региона»** раскрывается значение вербальных и невербальных средств общения для формирования структуры языковой культуры. Мы исходим из позиции о том, что **языковая культура** представляет собой уровень владения совокупностью взаимосвязанных элементов вербальной и невербальной языковых систем, связанных между собой сложными отношениями в процессе социальной коммуникации. В исследовательской литературе речь сопоставляется со словом, которое в свою очередь выступает в качестве вербальной знаково-символической функции речи. В связи с этим, считаем целесообразным отметить, что под вербальной коммуникацией следует понимать языковое общение, которое выражается, прежде всего, в обмене мыслями, данными, эмоциональными переживаниями собеседников. На сегодняшний день существует огромное количество разных форм языкового общения, которые принято относить к числу вербальных средств коммуникации. К их числу, в первую очередь, относят человеческую речь. Именно благодаря речи человек осуществляет передачу информации и получает ее большую часть.

Вербальный параметр языковых контактов проявляет следующие свойства: - является частью коммуникативной культуры и духовной культуры человека, и общества; - способствует осуществлению социальной роли коммуниканта; - помогает осуществлению взаимного общественного признания коммуникантов; - является одним из источников создания социальных и культурных значений. Для нас это наиболее значимо, поскольку именно с помощью языка мы выявляем духовные и социальные особенности традиционных культур Сибири и формулируем свое к ним отношение.

Для невербальных средств коммуникации характерной является некоторая двойственность, которая с одной стороны, заключается в том, что их использование позволяет употреблять сжатые словесные фразы, а с другой, – они выступают в качестве возмещающего фактора речи. Также необходимо отметить, что вербальное поведение состоит в тесной взаимосвязи с невербальным поведением. В своих трудах такие исследователи как П.Экман и У.Фризен акцентируют внимание на 5 функциях, которыми обладают невербальные средства: повторение, противоречие, дополнение, акцент, регулирование.

В работе отмечается, что вербальные и невербальные атрибуты общения тесно пересекаются с ментальной спецификой и указывают на национально-этническую идентификацию. Этническая идентификация является в первую очередь результатом эмоциональных процессов самоидентификации человека с этнической группой. К числу основных признаков этого, по нашему мнению, целесообразно отнести следующее: - особенности, которым обладает мировоззрение; - национальный язык и знание его; - знание этнокультуры,

нарративов и т.д.

Многонациональность, выступая одним из условий межкультурных взаимодействий внутрирегионального характера, устанавливает различные модели коммуникационных процессов. Высокий уровень контактирования народов Южной Сибири, длительность данного процесса в историческом плане обусловили единство хозяйственно-бытовых связей, а также типа взаимоотношений, которые практически не сопровождаются возникновением конфликтов. В Южной Сибири отмечается стабильность и соизмеримость межэтнических отношений. Это в свою очередь объясняется как геогражданским детерминизмом, так и ментальными особенностями этносов данного региона. «Сверхнациональность» русского народа, «бытовая свобода»¹⁹ в комплексе с географическим расположением Сибири, а также экономической и общественной зависимостью от исконно проживающих на ее территориях этносов обусловили стабильность механизмов, которые используются людьми для взаимодействия. Помимо этого, этнопсихологические характеристики шорцев, хакасов, алтайцев и тувинцев, сформировавшиеся в итоге культурогенеза, обладают целым рядом общих свойств с культурой русского народа.

Значимой социальной нормой отношения к собственной и иным этническим группам является *позитивная этническая идентичность*, столь характерная для южно-сибирских народов, основной ролью которой является стабилизация общественных структур. Мы разделяем точку зрения авторов коллективной монографии и под идентичностью понимаем некую меру бытия и форму выражения вещественных, ментально-психических и знаково-символических объектов. Это мера определенности и форма предикации структурно-процессной количественно-качественной и пространственно-временной определенности и самоидентичности вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей. Идентичность выступает как способ фокусирования и ориентирования сознания человека, его интенции, она выполняет роль навигатора сознания²⁰. Положительная этническая идентичность южно-сибирских сообществ создает общественную норму современного толерантнонаправленного социума, поскольку сегодня весьма важную роль в процессе социализации играет «Другой». Положительная адекватная самокатегоризация и восприятие людьми окружающих их субъектов культуры способствуют образованию диалогичной социокультурной реальности. На основании результатов, которые были получены в ходе проведения исследования межэтнических установок в этнической культуре Южной Сибири, сделан вывод о наличии достаточно низкой выраженности деструктивных форм²¹.

¹⁹ Бердяев Н.А. Психология русского народа [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. - Режим доступа: http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf – 20.05.2019. – 20.05.2019.

²⁰ Идентичность как навигатор сознания: монография / Х.Г. Тхагапсоев [и др.] – Санкт-Петербург : Астерион, 2016. – С. 152.

²¹ Зыкин А.В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири / А.В. Зыкин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 7(49). – С. 114-118.

Таблица 2. Степень интенсивности форм этнической идентичности этносов Южно Сибири, %

Формы этнической идентичности	Шорцы				Хакасы				Алтайцы				Тувинцы			
	Степень				Степень				Степень				Степень			
	Возрастная группа 18-25 лет															
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Этнонигилизм	86	14	0	0	85	15	0	0	82	18	0	0	90	10	0	0
Этническая индифферентность	4,5	54,5	36,5	4,5	4	55	35	6	4	52	36	8	3	44	42	11
Этноэгоизм	73	18	4,5	4,5	72	19	5	4	75	15	5	5	62	19	10	9
Этноизоляционизм	59,1	36,4	4,5	0	58	36	6	0	57	35	8	0	40	48	10	2
Этнофанатизм	45,5	45,5	9	0	44	46	10	0	42	48	10	0	34	53	12	1
Позитивная этническая идентичность	0	0	9	91	0	0	10	90	0	0	12	89	0	6	21	73
	Возрастная группа 26-55 лет															
Этнонигилизм	92	8	0	0	90	10	0	0	91	11	0	0	83	17	0	0
Этническая индифферентность	8,5	50	33	8,5	7	53	35	5	9	52	34	5	5	49	36	10
Этноэгоизм	92	8	0	0	90	10	0	0	91	9	0	0	84	12	4	0
Этноизоляционизм	75	25	0	0	73	27	0	0	74	26	0	0	70	24	6	0
Этнофанатизм	66,7	33,3	0	0	63	37	0	0	64	36	0	0	60	32	8	0
Позитивная этническая идентичность	0	0	8	92	0	0	10	90	0	0	9	91	0	2	12	86
	Возрастная группа 56-75 лет															
Этнонигилизм	94	6	0	0	91	9	0	0	92	8	0	0	88	10	2	0
Этническая индифферентность	6	44	44	6	5	43	48	4	4	45	46	5	2	42	47	9
Этноэгоизм	94	6	0	0	92	8	0	0	93	7	0	0	82	11	7	0
Этноизоляционизм	75	19	6	0	70	10	10	0	72	18	10	0	68	18	14	0
Этнофанатизм	56,2	31,3	12,5	0	58	29	13	0	55	30	15	0	50	31	19	0
Позитивная этническая идентичность	0	6	13	81	0	5	12	83	0	4	14	82	0	3	22	75

В третьем параграфе «**Значение билингвизма в этнокультурном развитии многонационального социума (на примере взаимодействия русской и тюркской традиций общения этносов Южной Сибири)**» с позиции лингвокультурологии выявляется значение языковых контактов, которые представляют собой весьма непростой процесс, состоящий из различных уровней и построенный на сотрудничестве культур, истории, языков в определенной социально-территориальной общности. Формирование индивидуального «я» основывается на самоориентации индивида, на представлении о нравственно-этических ценностях, образующихся согласно набору культурно-специфических показателей оценки своего поведения и поведения «Других».

Одной из самых распространенных языковых ситуаций является многоязычие, которое при условии распространения межэтнического взаимодействия осуществляет функции межкультурного сотрудничества. Под межкультурным взаимодействием понимается процесс общения и взаимодействия, осуществляемый между представителями различных культур или культурных сообществ. Билингвизм, или двуязычие, в этом аспекте софункционирование языков в индивидуальном речевом поведении, является способом этнических контактов. Способность индивидуального и социального речевого поведения к построению двуязычной коммуникации называется билингвальностью²². Изучение феномена билингвизма как научного объекта началось в XIX веке. Однако как лингвистическое явление он имеет более древние исторические корни. Ранние формы, присущие двуязычным ситуациям, были тесно взаимосвязаны с формированием языков, которые известны в сфере культурной антропологии как культовые или профессиональные.

В XXI веке, в период активного распространения глобализации и одновременных попыток сохранить культурное разнообразие, роль билингвального дискурса значительно усилилась. Его ключевое предназначение связано с возможностью внедрения в общемировой коммуникативный процесс и желанием сохранить этнокультурный портрет многонационального региона или страны. Двуязычие выступает в качестве так называемого транслятора идей, инновационных технологий. Оно интегрирует итоги научно-технического прогресса как в общественную, так и в лингвистическую плоскость. Зачастую подобные явления касаются в большей мере обозначений понятий, которые еще не устоялись в научном аппарате. В современной литературе, например, это связано с термином «диалог культур». Социально-этическим аспектам этой проблемы посвящены ряд работ академика А.А. Гусейнова, профессоров С.Н. Иконниковой, С.М. Некрасова и др.

Диалог культур значительно усиливается на современном этапе развития социума – он глобален. Южная Сибирь представляет собой смешанный тип билингвизма, что, безусловно, вызвано значительными изменениями в

²² Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.75.

общественном и политическом устройстве. Эти изменения, в свою очередь, вызвали ряд глобальных изменений в функционировании языков, сформировав новую социолингвистическую парадигму. Законодательство РФ представило равные возможности для восстановления, оживления и развития языков коренных народов. Анализируя соотношение русского языка к языкам тюркских народов (алтайскому, хакасскому, тувинскому и шорскому), отметим, что языковая ситуация в настоящее время представляет собой экзоглоссную модель, несбалансированную подмодель сосуществования.

Отталкиваясь от работ Т.Г. Боргояковой²³, нами проведен анализ состояния языковых систем этносов Южной Сибири по следующим основаниям:

- демографическая мощьность (процентное соотношение говорящих на родном языке);
- коммуникативная мощьность (объем и интенсивность использования родного языка в различных социально-коммуникативных сферах);
- динамика языковой лояльности (приверженность родному языку);
- языковая компетенция носителей (знание системы и подсистем родного языка на значительном уровне);
- наличие и степень языкового сдвига (процесс или утрата этносом родного языка и принятие в качестве родного господствующего) и наличие языкового конфликта. Это позволило сформулировать следующую типологизацию:

Таблица 3. Состояние языковых систем коренных этносов Южной Сибири

Демографическая мощьность ²⁴	Алтайский	67239 – 65534 – 97,46%; 74238 – 55720 – 75,05 %
	Хакасский	75622 – 52217 – 69,05%; 72959 – 42604 – 58,39%
	Тувинский	243422 – 242754 – 99,72%; 263934 – 253673 – 96,11%
	Шорский	13975 – 6210 – 44,43%; 12888 – 2839 – 22,02%
Коммуникативная мощьность	Алтайский	Алтайский язык в настоящее время обладает значительной коммуникативной мощьностью, но необходимо отметить то, что особенностью языковой ситуации является преобладание среди алтайского этноса жителей села. Алтайский язык активно используется в сферах официального и неофициального общения.
	Хакасский	Современное законодательство направлено на усиление значимости данного языка в общественной и культурной жизни республики, на увеличение количества школ и учащихся, изучающих хакасский язык.
	Тувинский	Из четырех языков тувинский обладает самым высоким показателем коммуникативной мощьности.
	Шорский	Для шорского языка характерен самый низкий уровень

²³ Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Боргоякова Т.Г. – Москва, 2002. – 38 с.

²⁴ Для наглядности и сопоставления мы приведем статистические данные всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. Первый показатель – численность этноса, второй – количество говорящих на родном языке, третий – процент говорящих от общей численности этноса.

		коммуникативной мощности из четырех представленных этнических групп.
Динамика языковой лояльности	Алтайский	Поскольку преимущественно языком пользуются жители села, то и языковая лояльность в большей степени выражена именно там. Продолжается процесс перехода к пассивному билингвизму.
	Хакасский	Противоречивость ситуации заключается в том, что, с одной стороны, происходят позитивные изменения в развитии языка и в языковой лояльности хакасов а, с другой стороны, продолжают процессы перехода к пассивному билингвизму и русскому одноязычию.
	Тувинский	Язык сохраняется как основной язык общения в неофициальной сфере, в практике обучения в общеобразовательной национальной школе, в деятельности районных и местных администраций, в сфере профессионального искусства и культуры, а также в сфере производственной деятельности и бытового обслуживания в сельской местности.
	Шорский	Лишь небольшая часть шорского этноса привержена родному языку. Как правило, это люди старшего поколения, проживающие в селах и отдаленных улусах. Молодое поколение практически не говорит на родном языке.
Языковая компетенция носителей	Алтайский	Поскольку преобладающим среди алтайского этноса являются жители сельской местности, то и дифференциация уровня языковой компетенции распадается на городскую и сельскую. Более высокий уровень владения родным языком и компактный тип расселения у жителей сельской местности в южных районах республики.
	Хакасский	В системе хакасского языка заметны признаки влияния русского языка, которые проявляются в использовании русских союзов, вводных слов, большого количества лексических заимствований, более гибком порядке слов в предложении, появлении новых типов придаточных предложений.
	Тувинский	Статистика показывает высокую степень жизнеспособности тувинского языка, что выражается в высоком уровне языковой компетенции и использовании родного языка абсолютным большинством тувинского населения.
	Шорский	Для шорского языка характерен низкий уровень языковой компетенции. Прекращено преподавание шорского языка в школах, кроме того прекратила свое существование кафедра шорского языка и литературы в КузГПА (бывший НГПИ). Необходимо также отметить, что в шорском языке как и в хакасском значительно заметно влияние русского языка.
Наличие и степень языкового сдвига //	Алтайский	Высокий уровень национального самосознания, рост языковой лояльности, существенный удельный вес алтайцев в структуре населения республики, длительная культурная и историческая традиция совместного

наличие языкового конфликта		проживания алтайских субэтносов позволяют прогнозировать возможность замедления или остановки процессов языкового сдвига и сохранения алтайского языка (в том числе в виде диалектов, которые следует поддерживать) как родного языка или как функционально второго для большей части алтайского населения.
	Хакасский	Языковой сдвиг был связан с малочисленностью и низким удельным весом хакасов в республике, преимущественно смешанным характером их расселения в городах и селах, урбанизацией и исчезновением малых сел. Процессы языкового сдвига практически не влияют на их чувство этнической самоидентификации, приверженности к своим корням. В большинстве хакасских семей старшее и среднее поколения являются пассивными билингвами с активным русским компонентом.
	Тувинский	Процессы языковой ассимиляции в виде языкового сдвига, характерные для большинства государственных республиканских языков России, затронули тувинский этнос в наименьшей степени.
	Шорский	Наличие языкового сдвига обусловлено низкой численностью шорцев как этноса. Значительная часть шорцев переехала в город, что привело к исчезновению улусов, а следовательно, и «чистого» языка. Большинство представителей старшего поколения владеют родным языком, но пользуются русским. Молодежь говорит исключительно на русском.

Проведя анализ состояния языковых систем шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев, мы пришли к заключению, что только у трех (кроме шорцев) этносов, состояние положительное и их развитие не вызывает опасение. Что же касается шорского языка и этноса, то в данном случае картина вызывает тревогу, поскольку социологические данные говорят о том, что через 15-20 лет, данный южно-сибирский этнос может полностью раствориться. Это подтверждается и демографическими данными и данными по уровню владения шорским языком как родным. Для шорского языка характерен самый низкий уровень коммуникативной мощности.

В диссертационной работе подчеркивается, что, во-первых, в билингвологии существуют различные трактовки понятия двуязычия; во-вторых, обобщенное значение для разнообразных трактовок билингвизма – это «сосуществование 2-х языков». Ключевым отличием определений как в российской, так и в зарубежной науке выступает равнозначность компетентностной оценки 2-х и более языков в речи билингвов. Данный показатель способствует выведению исследований билингвальных коммуникаций не только на лингвистический, но и на культурологический уровень. В этнокультурном развитии Южно-Сибирского региона двуязычие играет значительную роль, поскольку владение русским языком способствует межкультурному взаимодействию. Однако имеется опасность вытеснения русским языком родного языка, это особо характерно для малочисленных

этносов, в частности шорского народа. В этом контексте необходимы меры организационного характера для сохранения языка данного этноса.

Глава III. «Становление и историогенез традиционной культуры этносов Южной Сибири (на примере шорцев, хакасов, тувинцев, алтайцев)» состоит из четырех параграфов и посвящена выявлению особенностей становления и развития традиционной культуры тюркских этносов Южной Сибири.

В первом параграфе **«Становление шорского этноса и его культурной самоидентификации»** акцент сделан на историю формирования этнонима «шорцы». Указывается, что шорцы относятся к тюркоязычной группе народов и занимают южную часть Кемеровской области. Формирование шорцев в собственном этногенезе происходило на базе демографического субстрата, который, по мнению ряда исследователей, являлся общим для самодийских и финно-угорских народов в VI-IV тысячелетиях до н.э. В VI-IX столетиях шорцы являлись частью Енисейского, Уйгурского и Тюркского каганатов и подверглись тюркизации, отчасти перемешавшись с племенами алтайцев, уйгуров, монголов и киргизов. В XVII-XVIII столетиях к шорцам присоединились северные кочевые племена скотоводов – телеуты, подвергшиеся ассимиляции и ставшие с ними единым народом.

На своеобразие духовных традиций и специфику шорского мировоззрения, как уже отмечалось, сильно повлияло шаманство как политеистическая религия. Роль основных богов в шаманизме исполняли Ульген(ь) в Верхнем мире и Эрлик в Нижнем мире. Помимо этого, у шорцев доминирует почитание духов, представляющих собой полноправных хозяев водоемов и горной местности (су-ээзитаг-ээзи: шорское слово «ээ» переводится как хозяин, «су» – как вода, а «таг» означает гору). Шаманство имело родовой характер. В традиционной культуре шорского народа присутствует развитый фольклор: сказания, мифы, охотничьи были, песни, пословицы и поговорки. Отдельное место занимают сказания героического эпоса, исполнение которых осуществляется под аккомпанирование комыса.

В диссертации подчеркивается, что вплоть до наступления XX века не существовало единого общепринятого самоназвания шорского народа, являющегося ключевым признаком сформировавшегося этноса. Русские в быту именовали шорцев кузнецкими татарами, а также кондомскими (река Кондома) и мрасскими (река Мрас-Су) татарами или абинцами. При этом сами шорцы именовали себя в основном по родовым фамилиям либо по речкам, на бережьях которых они проживали. Окончательное объединение разных субэтнических групп в общий этнос случилось уже в советское время, с появлением Горно-Шорского национального района (1926-1939), центром которого служил поселок Мыски, а позднее – поселок Кузедеево. Именно тогда кузнецкие татары начали называть себя «шорцами» в соответствии с названием, появившимся в середине XIX века благодаря тюркологу В.В. Радлову. Словом «шорцы» академик Радлов называл автохтонов, проживавших в Кузнецком уезде Томской губернии. В 1860-х гг. В.В. Радлов писал, что у этой народности нет единого наименования, а все самоназвания ведут своё

происхождение от названий рек, на побережьях которых проживает этнос. К примеру, пызас-кижи (от шорского «пы», что переводится как «кедр» (то есть люди с Пызаса)), мырас-кижи – (от шорского «мырас», что означает «желтый» (то есть люди с Мыраса)), том-кижи (от шорского «тоом», в переводе «большая» (люди с Томи)). Также самоназвания образовывались от наименований управ, к которым они были прикреплены (тайашчоны, кобыйчоны и пр.), либо исходя из местообитания: прасчоны – р. Мырас-Су, модымчоны – р. Кондома и пр. Подобное разнообразие самоназваний свойственно этносам с незавершенной консолидацией, находящимся в стадии формирования. По мнению автора работы, разнообразие самоназваний можно считать признаком усложненного самосознания, а оно, в свою очередь, говорит о формирующемся этносе и возникновении оригинальной традиционной культуры.

Классификация В.В. Радлова поспособствовала признанию тюркоязычных жителей южной части Кемеровского региона конгломератом племен, связанных единым названием «шорцы», а учитывая их этническую общность, такое название превратилось в этноним. Содержание этнонима составляют отдельные уровни самосознания его носителей, то есть культурный код, описывающий этнос. Существует несколько уровней самосознания шорского народа:

- родовой, в соответствии с которым классификация ведется согласно сеоковой принадлежности. Данный уровень играет важнейшую роль в процессе индивидуальной самоидентификации и идентификации шорского народа;

- территориальный. Учитывая, что род всегда был неразрывно связан с местностью, на которой он жил, это обеспечило почти полное совпадение родового и территориального признаков;

- локальный, подразумевающий местонахождение подгрупп и субэтносов: мырасские – кондомские, верховские – низовские и пр.;

- общетюркский, выражающийся в лингвониме «тадар» и позволивший объединить различные субдиалекты;

- религиозный, выражающийся в двоеверии и сочетании шаманизма с православием;

- культурный. Отдельные уровни самосознания шорского народа, включая общетюркский, религиозный и культурный, в немалой степени сформировались благодаря контактам с русской культурой. Это важное последствие межкультурного взаимодействия русского народа с тюркскими этносами.

В 1960-х гг. начала распадаться социально-культурная инфраструктура шорских селений. На первом этапе стали закрываться школы, расположенные в Горной Шории. Невозможность обучать детей послужила одним из факторов отъезда местных жителей, в особенности молодого поколения, из небольших деревень в крупные райцентры, а также города Южной Сибири. В то же время снижение числа детей в шорских поселках вело к тому, что местные власти закрывали еще больше школ и переводили детей на обучение в интернаты. Вплоть до середины 1980-х гг. в Горной Шории функционировало 5 интернатов, но уже в 1990-е гг. 4 из них перестали существовать. В настоящий

момент работает единственная школа-интернат, расположенная в г. Таштаголе. Это вызвало отъезд трудоспособных жителей из небольших мононациональных поселков. Результатом вышеуказанных событий в Горной Шории явился отход от земледелия, уменьшение площади обрабатываемых земель, рост миграции, развал построенной инфраструктуры.

В 90-х годах прошлого столетия как результат социально-политических и культурных трансформаций, значительно усилилась этнокультурная идентичность шорцев. Следует принимать во внимание и психологические факторы, повлиявшие на это явление, в число которых входит поиск ориентиров и стабильности в информационно насыщенной и непрерывно меняющейся среде, а также рост частоты прямых и опосредованных межнациональных и межкультурных взаимодействий. Доказано в работе, что повышенное значение культурные и этнические характеристики обретают во время социальных трансформаций, когда разрушается сложившаяся система культурно-исторических ценностей. Для шорского народа это было связано с распадом СССР и так называемой «шоковой терапией» первого постсоветского времени.

В диссертации отмечается, что реформы постсоветского времени стали причинами подъема национального самосознания и запустили механизмы этноконсолидации. Основной толчок данному процессу придала шорская национальная интеллигенция: А.И. Чудояков, В.И. Ачелов, Н.Я. Чудояков и пр. По инициативе А.И. Чудоякова было основано общество «Ольгудек» и проводились курсы по обучению шорскому языку. На базе этого общества в Новокузнецке в 1992 году было сформировано общество «Шория» под председательством Л.А. Тенешевой. К 2000 году в Кузбассе насчитывалось 28 национально-культурных центров. Своей задачей они провозгласили восстановление традиционной культуры шорцев, возврат к духовным ценностям и местным обычаям, распространение родного языка, обучение истории шорского народа. Именно деятели культуры впервые стали говорить о вопросе выживания этноса и защите традиционной культуры, направив внимание правительства и социума на специфику данных обществ. Однако многие шорцы уверены, что находятся в катастрофическом положении, так как не являются хозяевами своей судьбы и собственниками своих земель, и полагают, что, невзирая на старания энтузиастов, направленные на восстановление шорского языка и культуры, исчезновение народности уже нельзя обратить вспять. Это самая тревожная тенденция самосознания современных представителей шорского этноса.

Во втором параграфе **«Культурогенез хакасов и формирование их культурного кода»** с использованием методологических возможностей понятия «культурный код» выявляются особенности исторической эволюции этноса хакасы. Это один из значимых народов Южной Сибири со сложившейся духовной культурой. Характерные черты мировоззрения и оригинальность этнической культуры выражаются в религиозных обычаях и чувствовании, ритуальных практиках, сказаниях, былинах и других формах устного народного творчества, в языковой сфере, и, в конечном итоге, в бытовой области

хакасского народа. Укажем, что численность хакасов, свободно владеющих родным языком, непрерывно уменьшается, аналогичная ситуация наблюдается и в области повседневного использования языка. Касается это и количественного состава этноса, пусть не в такой степени как шорцев.

Фундаментом этносоциального пространства, безусловно, является пространство этнокультурное, под которым подразумевается возврат народу субъектности и единства. Исходя из этого, важную роль для народа, считает автор диссертации, играет восстановление культурного наследия, и в первую очередь национального языка. На сегодняшний день, чтобы понять дух народа, обучиться выстраивать взаимоотношения с его членами и с иными народностями, а также, чтобы обрести единство, нужно сначала обучиться чтению культурного кода, просматривающегося во всем, включая искусство, отношение к окружающей природе, языке. Хакасский язык принадлежит к уйгурской группе тюркской языковой семьи. Нынешний хакасский язык разбивается на 2 группы похожих диалектов: свистящая (сагайский диалект) и шипящая (качинский и кызыльский диалекты). Название хакасского этноса и его родного языка как таковое закрепилось лишь с наступлением XX века.

После распада СССР в 1991 году в рамках Российской Федерации Хакасия получила автономный республиканский статус. Развитие языка хакасов напрямую связано с появлением хакасской письменности. Впервые ученые попытались разработать хакасский алфавит в русифицированном виде в дореволюционное время, однако процесс завершился лишь в 1924 году. В 1929 году алфавит был латинизирован, а по прошествии десятилетия опять русифицирован, что негативно отразилось на совершенствовании литературного языка, в основе которого, по большей части, лежал общий хакасский язык. В социолингвистической сфере хакасский язык упоминается как характерный образец искусственного языка. Присвоение наименования этносу и его языку произошло на уровне административном, но в соответствии с древним племенным объединением. Итогом такого решения стало формирование чувства национальной общности среди хакасских племен, однако без усвоения ими разработанного языкового стандарта.

Влияние православной веры на бытовую и культурно-языковую жизнь хакасов проявилось начиная с первой четверти XVIII века. Согласно сведениям, почерпнутым из переписи 1895 года, на рубеже XX столетия 89% представителей хакасской народности прошли крещение. С того момента и по настоящее время христианство и его мировоззрение находило отражение в языке: так, словом «хызылынымырха» обозначается Пасха (буквальный перевод – «красное яйцо»), а словом «харанымырха» – Родительский день (букв. пер. – «чёрное яйцо») и пр. В хакасской традиционной культуре имеются собственные представления о природных явлениях, социуме, людях и их особенностях. В списке качеств человеческой натуры стоит особо отметить 2 категории эталонов: первая сопряжена с сопоставлением мира и объектов живой природы, а вторая – объектов неживой природы (водоемов, лесов и пр.). Образцом бесстрашия у хакасов считается медведь; образцом ласки и нежности – ярочка, однолетний ягненок; эталоном робости и трусости – новорожденный теленок.

При этом собака считается образцом злобности, вздорности, а лиса – хитрой и лживой натуры. Ключевое место в списке фольклорных жанров отводится богатырским сказаниям хакасов, так как они наиболее объемны, охватывают широчайший спектр жизненных коллизий и имеют наивысшую значимость с точки зрения формирования культурного кода.

Автор диссертации указывает, что кочевничество и непрерывное передвижение, столь характерные для кочевых народов, всегда было привычным образом жизни для хакасов. Для кочевых племен родиной является их группа, они оттого постоянно и перемещаются, что их жизнедеятельность находится в прямой зависимости от даров природы. Главной деятельностью кочевника является разведение скота, при этом одно из хакасских самоназваний говорит о том, что данный этнос разводил не только коров, овец и коз, но и коней – единственный способ передвижения в прошлом. Отсюда именно лошади являются основной ценностью для хакасов. Сельскохозяйственная живность предназначена для услужения людям, а в случае лошадей, напротив, именно людям приходится прислуживать. По мнению Г.Д. Гачева, лошади – основное божество кочевых племен. Передвижение – значит свобода от места постоянного нахождения, и это также отражается в культурном коде хакасов.

Особенностью мировоззрения хакасов, отмечает автор работы, является представление о том, что любой индивид обладает душой, а точнее несколькими душами (максимальное число – 9). У этого народа под душой подразумевается человеческая жизнь, представляющая собой общность анатомических параметров, процессов, протекающих на уровне психики и физиологии, а также ментальности и социального статуса. В фольклорных произведениях выделяют не менее 7-ми типов душ: «Чиит кизінің читіхутполча» (буквальный перевод – «юноша обладает семью душами» – означает, что он может вступить в брак вплоть до 7 раз). Подобное число душ, возможно, требуется людям в силу того, что с точки зрения хакасов одна душа неспособна на одновременное исполнение множества функций. Любая из указанных душ обладает не только отдельным наименованием, но и специальной ролью, временем появления и телесным местоположением. Такая практика разделения и называния отдельных душ отображается не только в религиозном лексиконе, но и в повседневной речи. Сегодня данные лексемы являются устаревшими и имеют ограниченное употребление. Перечислим лексемы, применяемые хакасами для называния душ, и их смысл:

1) «Тын» имеет двойное значение – дыхание и душа. Данный тип является неотъемлемой частью индивида с момента его появления на свет и неотрывно связан с его существованием. Эту душу дарит Худай. Ее утрата неизбежно приводит к кончине человека.

2) «Хағба» означает «страж, заступник». Данный тип оберегает человека, им зачастую обладают совершенно обычные люди. Индивид, владеющий мощным хағба, имеет способности, близкие к шаманским.

3) «Хуйах» обозначает вещи, не имеющие отношения к религии и духовной сфере. Это «броня, кольчуга», а роль души обуславливается смыслом рассматриваемой лексемы. Она выступает в роли особой защитной ауры

индивида. Тот, кто обладает прочной хуйах, по собственной мощи приближен к шаману.

4) «Ўзүт» применяется для называния души необратимо мертвого индивида, в неё преобразуется «сүне». Применение для обозначения души не особого термина, а уже имеющейся лексемы свидетельствует о возможной двойственности этой субстанции. Она отличается материальностью и доступностью для органов чувств, однако, в то же время нематериальностью и недоступностью.

5) «Хут» обозначает жизненную силу, позволяющую индивиду передвигаться. В дневное время эта душа располагается под ногтями ног, а в ночное – под волосяными корнями. Именно отсюда идёт запрет на стрижку ногтей на ногах в светлое время суток и на расчесывание после наступления темноты. Нарушение запрета может привести к потере хут, имеющей непосредственное отношение к порождающему началу.

6) «Сүне» (другие варианты написания – сүрүн, сүрнү) обозначает душу на конкретном этапе её существования, начиная со времени кончины индивида и вплоть до заключительных поминок, проходящих в годовщину его гибели. Это в своем роде характер усопшего.

7) «Харан» – этим словом называется темная часть души скончавшегося, которая не отходит в иной мир, а остается там, где индивид умер и является причиной подавленного состояния его родственников.

Благодаря лингвокультурологическому анализу, проведенному в диссертации, произведена реконструкция основных и наиболее значимых компонентов культурного кода этноса хакасы.

В третьем параграфе **«Традиционная культура тувинского этноса: история и современность»** сформулированы основные моменты социокультурного плана, отразившие содержание традиционной культуры тувинцев. Традиционная тувинская духовная культура, равно как и культуры иных южно-сибирских коренных народностей, неотрывно связана с материальной. Она проистекает из нее и является ее логическим продолжением. В начале XX столетия в Туве уже существовало 3 хозяйственно-культурных типа. Большинство тувинцев тогда жили как кочевники-скотоводы, занимались разведением мелкого и крупного рогатого скота, держали коней, в некоторых областях также разводили яков и даже верблюдов. Главным жильем у них являлась юрта из войлока. Похожим образом жили и некоторые монголы, алтайцы, киргизы, буряты и иные этносы кочевников-скотоводов. Другая разновидность хозяйственно-культурных отношений свойственна представителям восточной части тувинского этноса. Их относят к категории таежных охотников-оленоводов. В основе их хозяйственной жизни лежит охота и разведение оленей, а также собирательство и в последнюю очередь – ловля рыбы. Главным жильем служит чум. Последняя разновидность хозяйственно-культурных отношений характерна для немногочисленного сообщества тувинцев, являющихся охотниками-скотоводами. Часть из них промышляла в основном охотой, а остальные выращивали скот на пастбищах (разводили коней и выращивали крупный рогатый скот).

В религиозном мировоззрении тувинцев, учитывая местоположение людей в мире, их близкими соседями всегда являлись духи, разделявшиеся на добрых и злых. Такое деление сопряжено со старинным верованием – анимизмом. В группу добрых духов входили истинные хозяева окружающей территории: таежной и горной местности, водоемов, лесов, огненной стихии и всего, что попадалось людям на глаза. Самыми всеильными духами в тувинской культуре, как и в иных древнейших тюркских культурах, являются духи огня и воды. Огонь представляет собой вторую по значимости природную стихию, пользующуюся почетом тувинского этноса. Поэтому от любой еды и питья перед тем, как употребить их, нужно было сначала взять лучшую часть и кинуть её в пламя.

Хозяина земли причисляли к добрым духам, тем не менее, если прекратить проведение обрядов – тагылга (ритуал освящения территории) и перестать приносить жертвы, этот дух мог начать вредить людям. Существовало 2 альтернативных образа данного духа: старик с белоснежной бородой либо привлекательная юная девушка в белоснежном платье, едущая верхом на белом жеребце. Например, хозяйка высочайшей тувинской горы Монгун-Тайга изображалась народом в виде девушки, едущей верхом на белоснежном жеребце и проводящей свободное время за игрой в белые камни с хозяином соседней возвышенности – Кызыл-баштыг. Стоит подчеркнуть и особенное отношение этого этноса к медведю, которого считают предком человечества, хозяином земель и водоемов, заступником слабых. Тут можно заметить очевидное влияние тотемистических взглядов. У Н.Ф. Катанова написано, что медведь первоначально был человеком, однако чрезмерно пристрастился к алкоголю и в наказание за собственную лень был превращен в животное. В еще одной легенде рассказывается, что в древности существовали двое супругов, одевших шубы наизнанку и начавших вылизывать друг друга с намерением превратиться в эрликов (бесов), и за такое деяние Эрлик-хан (дьявол) сделал их медведями и изгнал на землю²⁵.

Приведем краткую характеристику главных духов анимизма тувинцев:

1. Аза, в соответствии с заметками Н.Ф. Катанова, может показываться людям в виде человека, лисы либо смерча. Это злой дух, чьими отличительными чертами является голова козы и копытца вместо кистей и ступней. Его можно было заметить исключительно у лучших шаманов в процессе камлания – подмышками или со спины, прикрыв один глаз. Аза мог атаковать людей, разрывая на них одежду.

2. О возникновении духа Албыс Н.Ф. Катанов написал, что в былые времена это была девушка, не хотевшая идти замуж. Проживает Албыс там, где много песка и камней, имеет супруга и дочку, ее крик похож на блеяние козы, она пакостит странствующим мужчинам, показываясь им в виде красивой женщины, а путницам – в виде привлекательного мужчины. Спереди Албыс

²⁵ Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен / Н.Ф.Катанов // Известия Императорского Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 29 – С. 3.

выглядит вполне по-человечески, но сзади у нее нет кожи, и ее внутренности оголены.

3. Шулубус является одноглазым и обладает внушительным носом, расположенным на лбу. Проживает он в глубочайших пещерах либо под горой, имеющей вход с обратной стороны. Он может принимать облик как мужчины, так и женщины, и вредит людям противоположного пола либо живности. Как правило, он умерщвляет их. Также он может склонять людей к душегубству и всегда управляет действиями убийц. Шулубус поддерживает связь с иными злыми духами, для общения с которыми он превращается в серо-синего волка; для этого он, как правило, обваливается в золе, а бояться ему нужно (священного) огня.

4. Б(п)ук – это бес, вселяющийся в людей и не способный жить самостоятельно. Можно даже столкнуться с семьей «пуктэр», все члены которой одержимы этой нечистой силой. Одержимость можно опознать по разнообразным внешним признакам: отек нижних конечностей без причины говорит о том, что в человеке поселился пук; если кто-то болеет водянкой, и лекарственные средства лам бессильны, это свидетельствует об одержимости; смерть нескольких членов семьи кряду – тоже вина пука. Этот дух считается в некотором роде «оборотнем». Учение и практика почитания и общение с духами, доказывається в работе, составляет значительный фрагмент традиционной культуры тувинцев как в прошлом, так и сегодня. Демонология не была преодолена и с распространением буддизма.

Отталкиваясь от общепризнанного утверждения, что истоки религии находятся в мифологии, а сама она сберегла множество признаков последней, в работе подчеркивается, что ритуалы различных вероисповеданий в Туве, выполнявшиеся не только лидерами религиозных общин, но и шаманами, существенно позже и ламами, не вступали в конфликт и гармонично сочетались²⁶. Отсюда следует, что мифологическое сознание представляет собой единую концепцию жизнеустройства. Все традиционные культуры, включая тувинскую, не были нацелены на переустройство мира, подчинение природы человеку, что является и основной чертой общества тувинцев. Мифология формировала необычную реальность, в которой индивид всегда неразрывно связан с миром. Люди, жившие в условиях традиционного общества, имели дело лишь с миром, являвшимся плодом их фантазии, а система знаний о нем передавалась между поколениями. Для объяснения разных природных процессов тувинская культура придумывала либо заимствовала у иных этносов божества и духов. Максимальным могуществом отличались два божества: Курбусту (происходит от иранского Ахурамазде) – повелитель небесного мира и светлых сил; Эрлик-хан – властитель подземного мира. Оба они и по сей день являются предметом поклонения со стороны шаманов.

²⁶ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии / Л.Я. Штернберг. – Ленинград : Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 573 с.

В диссертации подробно анализируется обрядово-ритуальный компонент традиционной культуры тувинцев. Рассмотрим популярный у тувинского народа праздник Шагаа и сопутствующие ему обряды. Наиболее важные торжества и ритуалы тувинцев систематизированы и объединены в представленные ниже группы: 1) календарные ритуалы и торжества (Шагаа – новый год); 2) локационные ритуалы и торжества (освящение пространства, местности); 3) ритуалы природных объектов (освящение Мира, тайги, алтаря, родовой горы, перевала, речного или озерного истока, минерального источника, шаманского дерева); 4) родовые и семейные торжества (освящение домашнего очага, свадебная церемония, обрезание волос, праздник молодежи).

Слово «Шагаа» обладает монгольскими корнями, т.к. не вызывает сомнений факт заимствования данного праздника у китайцев, через соседей-монголов. Исторические хроники свидетельствуют, что монгольско-тувинские культурные связи укрепились между их прародителями еще в XIII столетии, в правление Чингисхана. Установлено, что именно монгольский правитель Хубилай несет ответственность за перенос в 1267 году празднования Нового года на последний зимний месяц, согласно лунному календарю. Исходя из этого, и опираясь на исторические сведения о вхождении тувинских земель в структуру государства монголов, можно допустить, что Шагаа в Туве стал отмечаться не раньше конца XIII столетия. Культурологический подход дает возможность найти объединяющие признаки и частные особенности, свойственные исключительно тувинскому народу. Аналогично стадиям монгольских новогодних празднований, в отмечании тувинского Нового года присутствуют 3 ключевых стадии: канун, 1-й день и дальнейший период. Шагаа отмечали на кыштагах, то есть зимних стоянках. За многие недели до наступления Шагаа в аалах (поселениях) стартовали предновогодние приготовления. Поскольку Новый год знаменует собой обновление, его ключевым предназначением являлось очищение. Люди раскладывали на свежесвыпавшем снегу собственные вещи и принадлежности, тщательнейшим образом очищали их от скопившейся пыли. В кошарах, то есть загонах, предназначенных для домашнего скота, тоже прибирались и очищали их от навоза. Чистота – важнейший компонент торжественной церемонии. Такое наведение порядка, в котором принимал участие каждый член семьи, обладало глубочайшим смыслом всеобщего очищения.

Ключевым компонентом церемониального места Шагаа являлся жертвенник – саңсалыры. «Саң» переводится как зажжение артыша – можжевельника, одновременно с кусками еды и топленным маслом – подношением духам-владельцам земель. Идущий от алтаря дым вместе с благовониями тоже способствовал очищению. Сооружение алтаря происходило так: на слеппенной из снега маленькой горке ставили 3 крупных камня и разводили на них жертвенный огонь. Древнейший обычай тюркских народов – прародителей тувинцев – повелевал сооружать алтарь с той стороны, где будет восход солнца, то есть на востоке церемониальной площадки. Другим компонентом, представлявшим собой часть церемониального места, были чалама – ленты из белоснежной шерсти, тканой материи либо бумаги (весьма

дорогостоящей в то время, поскольку привозилась из Китая). Стоит заметить, что чалама как особый элемент индивидуального моления непременно присутствовали на любых обрядовых церемониях. Тем не менее, на Шагаа чалама развешивались необычным образом: устанавливались «ворота», сделанные из стволов молодых лиственниц, а ленты закреплялись на бечевке, которую затем растягивали между 2-мя деревьями на незначительной высоте от земли – 0,3-0,4 м. Подобные чалама организовывали и у подножия горы, а также у всех домов, чтобы сформировать особенную торжественную атмосферу.

Празднование Шагаа длилось от 3-х до 4-х дней, тем не менее, праздничным являлся целый месяц после наступления Шагаа. За данный период люди успевали погостить в нескольких аалах. Согласно обычаям, праздновать начинали с последней юрты либо с жилья состоятельного односельчанина, потом шли от юрты к юрте, а также из аалов, расположенных в верховьях речек, к низовьям. Там, где основательно укоренилась ламаистская религия, в особенности на юге (в Эрзинском и Тес-Хемском кожуунах), велось соответствующее богослужение «Сам», аналогичное «Цам» у монголов и «Чам» на Тибете. В аалах без монастырей перед Новым годом ламы в собственных юртах произносили моления на тибетском языке, а затем, по аналогии с Тибетом, лепили из теста фигуры зверей и бросали их в пламя как жертву. Ламаисты, готовясь к празднованию, варили голову барана вместе с ушами, после этого куски головы и иную еду раскладывали перед бурханом – статуей Будды, расположенной в середине юрты. Основное различие между Новым годом у тувинцев и монголов состояло в том, что ламаистская религия, забрав себе молитвы, превратила этот день в семейное празднование. При этом у тувинского народа Шагаа в значительной мере сохранился как родовой праздник, а ключевую роль в нём играли старейшины. Отсюда следует, что Шагаа объединил в себе компоненты новогодних ритуалов монголов и тибетцев с обычаями летних коллективных празднований тувинского этноса.

В диссертации выделяются ключевые этапы празднования Шагаа тувинцами:

1. Заимствование монголо-китайской формы новогодних празднований (в 1267 г.).
2. С распространением ламаизма – заимствование буддистских элементов – атрибутики, терминологии, предновогодних молений (с начала XVIII столетия).
3. Присваивание Шагаа статуса национального праздника (в 1924 г.).
4. Этап запрета и прекращения празднования Шагаа (с конца 1930-х по конец 1980-х гг.).
5. Вторичное присваивание Шагаа статуса национального праздничного дня в 1991 г.

Укажем, что изменения в отношении празднования Нового года в республике Тува, как в прошлом, так и сегодня, демонстрирует в целом те изменения (культурные трансформации), что были характерны для всей традиционной культуры тувинского этноса.

В четвертом параграфе «**Алтайский этнос: особенности историогенеза и традиционной культуры**» акцент сделан на характеристику этнических групп Алтая с учетом особенностей свойственных им культурным кодам.

Алтайские этносы отличаются богатейшей историей. По оценке ученых, с момента переселения первых людей на Алтай миновало примерно 600 тыс. лет. Обильная природа здешней территории позволяла доисторическим социумам развивать собственную культуру. Это и стало причиной заселенности Алтайского края разнообразными племенами в каждом историческом периоде, если вести отсчет с каменного века. Профессиональное исследование археологических древностей региона началось только с успешным завершением первых научных экспедиций, начавшихся в XVIII столетии. За их организацию отвечала Академия наук Российской Империи, а целью экспедиций было составление карт, детальное описание и изучение местной природы и сибирских народностей. В частности, это было выполнено в рамках раскопок академика В.В. Радлова, проводившихся в 1860-е гг. Руководствуясь добытой информацией, он создал культурно-историческую периодизацию всех событий, произошедших с алтайскими народами до прихода русских. В дальнейшем А.П. Окладников исследовал последовательность первичного заселения Алтайского края и архаичную наскальную живопись. Следующий период в археологическом исследовании края сопряжен с работой группы сотрудников Алтайского госуниверситета под управлением Ю.Ф. Кирюшина.

Народность, именовавшая себя тюрками, начинает заселять южно-алтайские земли в 439 году. В дальнейшем на них распространяется власть Жужанского ханства и обязанность платить ему дань. Тюрки ввели свое происхождение от племени хуннов Ашина. В 552 году они под руководством кагана Бумыня и при союзнической поддержке теле уничтожили ханство, сформировав на его месте Тюркский каганат. Алтайские земли стали северной провинцией новообразованного государства, а его столица находилась в нынешней Монголии. Правление Тюркского каганата длилось практически два столетия – в период 552–744 гг. Данный исторический этап считается наиболее важным в хронике тюркских народностей, в число которых входят и нынешние алтайцы. В результате тюрки получили все обязательные цивилизационные признаки: государственный строй, правительство, право и письмо. Это был первый раз в центрально-азиатской истории, когда кочевники обрели письменность. Затем множество других народностей подпали под воздействие тюркской культуры.

По мнению диссертанта, в проблеме культура-язык наивысшим достижением является появление письма. Поскольку письменность тюрков имеет определенную схожесть с руническими письменами древних скандинавов, ее тоже именуют рунической. Примером для алфавита древних тюрков, включавшего 38 рун, стало согдийское письмо. Надписи на тюркском языке встречаются на обширной местности, в том числе по всему Алтаю, в монгольских землях и на побережьях реки Енисей. На каменной поверхности тюрки делали записи, в которых освещали доблестные военные походы, сражения с противниками, основные события из жизни каганов и

прославленных воинов, также зачастую попадаются надмогильные эпитафии, в которых рассказывается о подвигах погребенного. В одном из могильников урочища Тагил археологи обнаружили пояс из серебра и бляшек с позолотой, увенчанных растительным узором со следующими словами на последнем поясном элементе: «Хозяина Аккюна... кушак». При раскопках археологи нередко отыскивают кувшины с надписями, сделанными по-тюркски. Однако больших наскальных текстов, написанных древнетюркскими рунами, подобных тем, что обнаружили на побережье монгольской речки Орхон, пока ученым в Алтайском крае отыскать не удалось.

Народы Алтая начали переходить под управление русского государства с наступлением XVII столетия. В период с 1755 по 1756 гг. в ходе кровопролитного джунгаро-китайского противостояния и по причине ущерба, причиняемого нападениями киргизов (казахов), практически все алтайские народности предпочли стать подданными Российского государства. Единственным исключением стали лишь теленгиты и телесы на юге, которые параллельно выплачивали подать и русскому царю, и вплоть до 1865 года – Китаю. Процедура включения алтайских народов в нашу страну заняла около 300 лет. В истории и этнографии алтайские народы, как правило, разделяют на 6 племен, а их в свою очередь – на 2 категории: северные и южные. В первую категорию включают чалканцев, туба-кижи и кумандинцев, а во вторую категорию – телеутов, теленгитов и алтай-кижи. Каждое из упомянутых сообществ подразделяется на роды (сеок). Народы на севере и юге не находились в изоляции и не были обособленными в рамках собственного культурно-исторического развития. Невзирая на наличие языковых диалектов, характерные отличия в культуре и быте (в ритуалах и обычаях, национальном костюме и национальной кухне), а также несущественные отличия в фольклоре, на сегодняшний день можно уверенно заявлять о существовании общей культуры у всех этносов Алтая.

Автор подчеркивает, что любая народность обладает собственной особой, уникальной культурой, свойственной лишь конкретному этносу. На Алтае встретились две этнические группы – русские и алтайцы, бок о бок проживавшие на данной местности не одно столетие. Культурное воздействие для данных этнических групп носило двусторонний характер. У алтайцев русские обучились охотничьим навыкам, а также потреблению в пищу диких неядовитых растений. Также они начали заниматься разведением алтайских горных коней – крайне выносливых и прекрасно адаптировавшихся к здешнему климату и окружающей среде. Однако русская культура все-таки в большей степени изменила жизнедеятельность автохтонного населения. Непосредственную связь с жителями Алтая имели люди, которые проповедовали христианство. Встречались смешанные браки между русскими и алтайцами. Русское население оказало огромное влияние на все стороны жизни алтайцев, основным видом деятельности которых было скотоводство. Способы и приемы ухода за скотом оставались в течение длительного времени традиционными. Животных держали круглый год под открытым небом, однако кое-где уже начали строить для них специальные постройки, образцы которых

были позаимствованы у русских. Большой переворот в заготовке сена осуществило применение косы-литовки. Так, с ее помощью, мужчина мог выкашивать сено с площади до одного гектара в день. Это заставило изменить и технику уборки сена. Раньше его алтайцы свивали в жгуты и вешали их на деревья, но теперь стали сушить уже на земле, а затем грести и укладывать в стога. Происходили изменения и в земледелии. Коренное население стало использовать такие орудия крестьянского труда, как соха, плуг, борона. Жатву проводили серпом. Увеличивалось число сортов засеваемых культур. Стали выращивать пшеницу, рожь, овес. По примеру русских жителей у алтайцев начало распространяться огородничество.

Наряду с хозяйственной стороной в жизни алтайцев происходили изменения и в духовном укладе. После присоединения территории Алтая к России многие люди стали придерживаться православной религии. Это событие имело не только чисто религиозное значение. Шло искоренение некоторых местных обычаев – похищение и покупка невесты, многочисленных запретов для женщин в доме мужа и многих других. Традиционная культура этнических групп Алтая испытала на себе воздействие духовных ценностей православия: соборность, книжность, подвижничество и др. До прихода русских коренное население Алтая не знало собственного письма, а прежнее было утрачено. Все поэтические произведения передавались из поколения в поколение, из уст в уста. Только при помощи богатой культуры русского народа удалось дать алтайцам алфавит. Теперь они могли записать на родном языке и сохранить для потомков все разнообразие творений духовной культуры. Получил толчок для дальнейшего развития и алтайский язык.

В диссертации автор подчеркивает, что, во-первых, культура коренного населения Алтая (алтайцев) появилась не на пустом месте. Материальная и духовная культуры алтайских племен впитали в себя все многообразие традиций народов, некогда живших на этих территориях. Можно сказать, что она явилась обобщением материального и духовного наследия глубокой древности. Во-вторых, в то же время культура южных и северных алтайцев, переживая конкретные исторические события, менялась, приспособлялась к своему времени, то есть прогрессировала, развивалась. Неправильно будет считать культуру алтайцев отсталой по сравнению с русской или европейской. Нужно понять, что это совершенно другой тип культуры, порожденный своими, особенными условиями социально-политического, экономического и даже географического положения. И поэтому говорить нужно об особенностях культурного кода Алтая, отличности его от русской или европейской культур. Укажем также, что для культурного кода этнических групп Алтая существенно влияние православной религии, в том числе и такого направления как старообрядчество, которое сохраняло духовные традиции средневековой Руси. Сегодня, подчеркивается в диссертации, Алтай является полиэтничным и многоконфессиональным регионом России. Здесь живут представители более 100 народов и этнических групп, приверженцы мировых религиозных культур: христианства, ислама, буддизма, традиционных и нетрадиционных верований. В регионе сложилась достаточно устойчивая основа для межкультурного и

межэтнического взаимодействия, достигнуто межнациональное и межконфессиональное согласие.

Глава IV. «Современное состояние культуры шорского этноса» состоит из трех параграфов, которые раскрывают особенности формирования языковой культуры этносов Южной Сибири на примере шорского народа, а также программу деятельности национально-культурных организаций постсоветского времени по возрождению традиционной культуры.

В первом параграфе **«Шорский этнос и его языковая культура на современном этапе»** дается анализ шорского языка. Этот язык по классификации советского лингвиста А.А. Реформатского подразделяется на две диалектные группы, состоящих из нескольких говоров и подговоров: кондомский и мрасский. Активное изучение шорского языка начинается в XIX веке академиком В.В. Радловым и членами алтайской духовной миссии В.И. Вербицкого. Позднее, в начале и середине XX века, исследование языка этого южносибирского малого народа было продолжено учеными Российской Академии наук Н.Ф. Катановым, С.Е. Маловым, Н.П. Дырэнковой, Г.Ф. Бабушкиным. В последние полвека работа по исследованию шорского языка проводилась в основном исследователями новосибирской и томской научных региональных школ: проф. А.П. Дульзоном (г. Томск), его учениками Э.Ф. Чиспияковым, М.А. Абдрахмановым (г. Новокузнецк), позднее И.В. Шенцовой, В.М. Теляковой, Ф.Г. Чиспияковой, И.А. Невской, А.В. Есиповой, Н.Н. Курпешко, И.С. Уртегешевой и другими сотрудниками Кузбасской государственной педагогической академии.

Среди тюркских языков шорский язык относится к наименее исследованным. Научное изучение его происходило достаточно спонтанно. В то же время он представляет интересный материал для сравнительного исследования с алтайским, хакасским и тувинским языками, представители которых территориально находятся в соседстве с ним и близки по языковым особенностям. Современное официальное название языка шорского этноса – «шорский язык». Его окончательное утверждение произошло в 30-е годы XX века. На шорском языке общались народы хакасской подгруппы, что говорит о его некоторой схожести с иными языками данной подгруппы – чулымско-тюркским, северным диалектом алтайского языка. Современные шорцы, по мнению многих историков, происходили от древних обско-угорских племенных общин. Этническая неоднородность этого народа и воздействие множества языков-субстратов охарактеризовали присутствие в языковой культуре шорцев существенные диалектные различия.

Данные полевых исследований автора показывают, что русский язык с каждым годом оказывает все большее воздействие на языковую культуру шорского этноса. Это проявляется в увеличении лексического заимствования, изменении синтаксического строя. В середине XIX века шорцы использовали язык, который стал конгломератом тюркских диалектов и говоров. Но при этом, имевшиеся различия в диалекте были не совсем преодолимы в процессе ведения диалога с шорцами. Предпосылки для образования общенародного шорского языка появились в процессе создания Горно-Шорского

административного района. При этом формирование литературного языка происходило на базе мрасского диалекта и говора.

Шорский язык с позиций морфологической классификации языков, согласно которой выделяют четыре макрогруппы: изолирующие (аморфные), агглюнативные (игглютинирующие), инкорпорирующие (полисинтетические), флективные (фузионные), принадлежит к агглюнативному строю. Агглютинативные языки (от лат. *agglutinatio* – приклеивание) – языки, имеющие строй, при котором доминирующим типом словоизменения является агглютинация («приклеивание») различных формантов (суффиксов или префиксов), причём каждый из них несёт только одно значение. Агглютинативный строй противоположен флективному, в котором каждый формант несёт сразу несколько неразделимых значений (например, падеж, род, число и т.п.). Важнее то, что в агглютинативных языках форманты не образуют неделимых структур и не изменяются под влиянием других формантов. Помимо шорского к агглютинативной системе примыкают также тюркские, некоторые финно-угорские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский, грузинский, баскский, абхазо-адыгские, дравидийские, часть индийских и некоторые африканские языки. К агглютинативным языкам относился также и шумерский язык (язык древних шумеров). Многие искусственные языки, в том числе большинство плановых (эсперанто, идо), являются агглютинативными.

В свете нашего исследования помимо возникновения, становления и исторического развития этноса шорцев, изучения своеобразия языковой культуры также важным является определение границ этноса. Актуальной эта проблема является как для культурологических, этнологических, так и лингвистических исследований. Границы, которыми определяет себя этнос («мы»), одновременно являются границей между ним и всеми остальными этносами («они»), даже близкими в культурном и языковом плане как в нашем случае – шорцы, хакасы, тувинцы, алтайцы. Этнические границы могут выстраиваться на разной основе: проживание на определенной территории, язык, значимые для группы элементы культуры, – но такая граница всегда достаточно определена и фиксируется в едином, общем для всех членов этноса, самоназвании (этнониме). Наличие этнонима, как мы уже отмечали, является признаком наличия этнического самосознания, что, в свою очередь, становится не только необходимым, но и вполне достаточным признаком этноса.

Во втором параграфе **«Мировоззрение и аксиологические основания современной культуры шорцев»** анализируются пространственно-временные координаты и их роль в мировоззренческих константах. Разработана авторская программа возрождения традиционной культуры, социального бытия и жизненности шорского этноса. Автор отмечает, что мировоззрение этнической общности состоит из ряда ключевых элементов, а именно:

1. Модель мира, которая сформирована на базе соответствующих знаний о нем.

2. Иерархию интересов и ценностей, которые устанавливаются определенным рядом исторических обстоятельств и проявляются в идеологии и национальной идее.

3. Особенности национально-психологических установок, поведенческих и мыслительных стереотипов как одних из наиболее консервативных мировоззренческих пластов общности.

4. Механизмы, которые обеспечивают единство народа.

5. Жизнедеятельность народа во времени и пространстве является одним из основных критериев единства мировоззренческих установок общности. Западное мировоззрение акцентирует внимание в большей степени на возможном улучшении окружающего мира и применяет свой интеллект для его улучшения. Восточное мировоззрение изначально двигалось тем же путем. Отметим, что становление науки изначально происходило на Востоке. Но механизмы природопользования, различные философские и религиозные учения и особенности социальной деятельности способствовали формированию специфики мировоззрения Востока.

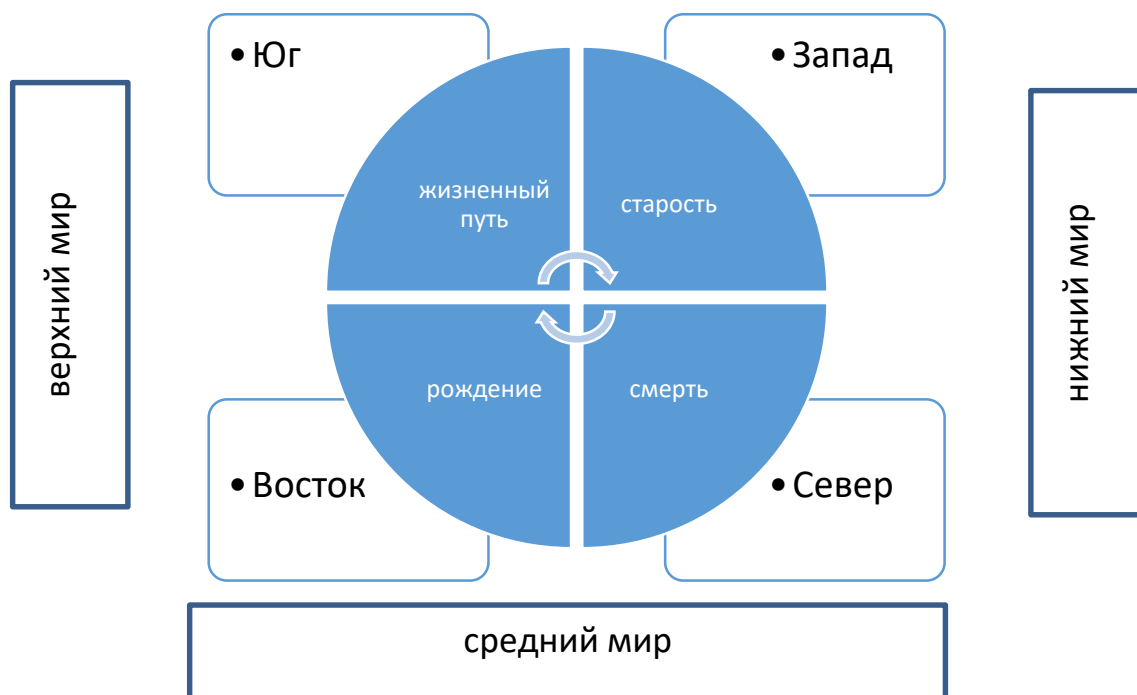
6. Менталитет народа как элемент мировоззрения, проявляемый на разных уровнях и тактиках. Под менталитетом следует понимать психологический срез народного мировоззрения, проявление которого осуществляется посредством поведенческих стереотипов, символов культуры, жестов, мифологии и т.д.²⁷

Рассматривая структуру народного мировоззрения тюркской общности Южной Сибири, необходимо отметить ключевые его компоненты. Для шорцев характерной является 3-х уровневая структура вертикального типа, органически соединенная с 4-х сторонней земной горизонталью. При этом образовался один из древних символов мира – дерево. Этническое время шорского народа – это постоянная смена ритмов взлета – падения – взлета. В связи с этим, для шорцев наибольшую значимость представляет культ их предков, а традиции их народа выступают основными механизмами, которые обуславливают развитие. Следовательно, прошлое представляет определенную значимость не только по той причине, что оно обуславливает настоящее и будущее, но и по той причине, что оно вновь когда-нибудь вернется, что в свою очередь гарантирует вечность мира и общности. Шорцы – это народ, которому удалось гармонично объединить в себе культуру земледельцев и кочевников. Он смог соединить в себе пространство и время в целостный символ (дерево). Все 4-е горизонтальные стороны пространства Среднего мира для индивида представляют эмоциональную важность. При этом, все стороны света взаимосвязаны и с вертикальным пространством (табл. 4).

Таблица 4.

Пространственно-временные координаты в мировоззрении шорского этноса

²⁷ Еромасова А.А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры : философско-антропологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / А.А. Еромасова. – Санкт-Петербург, 2007. – 42 с.

Индивид в процессе переселения постоянно путешествует, сменяя одну территорию на другую, соединяя время и пространство в одно целое. Для шорцев родиной является Тағлык Шор, обладающий явно выраженной женской сутью. Это в свою очередь, обуславливает некоторое преобладание женского пола в шорской общности и отражается в менталитете. Так как народ – это биокультурносоциальный этнос, то потребности выживания, приспособление к миру выступают в нем одними из определяющих. Ключевой движущей силой развития этноса является потребность в ощущение своего бытия. Основной ценностью выступает жизнь. Опасность исчезновения или самоуничтожения общностью воспринимается практически на инстинктивном уровне. В результате этого народ начинает создавать соответствующие механизмы, которые смогут обеспечить его выживание. К числу таких механизмов относятся:

1. Направленность на большое, здоровое наследие как гарант воспроизводства общности.
2. Регулярный психологический прессинг инстинкта самосохранения этноса отображается в народном творчестве, во многих как письменных, так и устных источниках, различных ритуалах.
3. Восстанавливаются прежние структуры и ценности народа.
4. Необходимость спасения у этноса зачастую выливается в национальную идею.
5. Благодаря механизмам выживания у представителей общности проявляются ценности выживания, определенные горизонтом ожидания.

Исследование особенностей развития народа шорцев позволило установить, что ключевой задачей реинкарнации выступает в первую очередь выживание и совершенствование общности, что непосредственно взаимосвязано с идеей преобладания и самооценности. С другой стороны, имеются определенная структура и ценность, способные гарантировать

возрождение шорского народа, стать его ключевой идеей, которой, на наш взгляд, является, прежде всего, семья и детство, поскольку:

- именно семья способна дать достойное национальное воспитание детям, используя при этом материнский язык, являющимся языком родным или этническим;

- только в семье люди способны воспринимать традиционные ценности как материального, так и духовного характера;

- только посредством системы семейно-родственных отношений окружающая среда для индивида расширяет свои пределы до понятий рода, общности;

- только в семье образуется тесная связь времен через наиболее значимые для индивида поколения родственников;

- только семья способна создать взаимосвязь индивида с обществом и со страной;

- семья учит человека основам универсального воспитания не столько «винтика» государственной машины или производственного механизма, сколько сына, отца, брата и дочери, матери, сестры, т.е. с себе подобными;

- здоровые семья и детство формируются жизнеспособным и постоянно развивающимся народом. На наш взгляд, это может рассматриваться как программа возрождения этноса «шорцы».

Семья, выступая основной социальной и культурной ценностью, всегда являлась самой важной социокультурной ценностью для тюрков. Но, если рассмотреть современную семью шорцев, то можно заметить, что налицо ее серьезный кризис:

- резко снизилась рождаемость, соответственно и численность детей в семьях шорцев;

- в период 80-90-х гг. прошлого века большее количество семей стало отказываться от своих детей, чего не происходило даже в военные годы;

- увеличилось количество разводящихся семей;

- появился дисбаланс мужского и женского начала в семье;

- дети, рождавшиеся от смешанных браков, как правило, предпочитают нешорскую идентификацию.

На основании всего сказанного выше можно сделать вывод, что современной программной мировоззренческой идеей для такого этноса как шорцы может выступать полноценная семья и детство, которые будут являться в свою очередь гарантом возрождения этого народа.

В третьем параграфе **«Национально-культурная деятельность и ее роль в сохранении и воспроизводстве культуры шорского этноса»** на основе проведенного исследования было выявлено значение национально-культурной деятельности в сохранении группового сознания этноса. В современном обществе национально-культурная деятельность выполняет функцию проводника индивидуального сознания в систему культурных и социальных отношений. Механизмом, предназначенным для выполнения национально-культурной деятельности, являются этнические СМИ, национально-культурные центры (НКЦ), некоммерческие (НКО) и

государственные организации, автономии, деятельность которых базируется на основополагающих принципах национальной политики. Эти механизмы отвечают за выполнение регулятивной функции не только по отношению к правовым, но и этнокультурным вопросам. Идея национальной политики нынешней России направлена в первую очередь на укрепление направлений равноправного взаимодействия культур народов в рамках нашей многонациональной страны.

Отмечается, что в 1990-е гг. прошлого века активно развивалась медиаэтнология, то есть сфера информационных технологий, посвященных проблематике межнациональных отношений, открывались периодические издания диаспор, национально-культурных центров. Активно обсуждаемые в политике вопросы межнациональных отношений стали платформой для развития этнических СМИ. На протяжении последних 10 лет общенародные медиасредства были сильно изменены. Однако при этом они все-таки сохранили специализацию на этнонациональной тематике и продолжают решать задачи укрепления межкультурных отношений на бесконфликтной основе культурной коммуникации. Значимость социальной журналистики в многонациональной среде очень велика, что в свою очередь объясняется функцией публичного обсуждения с читателями или зрителями тем, которые касаются непосредственно социальных и экономических интересов, а также культурных и специфических особенностей этнических групп. Осуществляя посреднические функции в ходе коммуникации, средства массовой информации создают поле потенциально результативного взаимодействия с аудиторией. Национальные информационные службы, привлекая адресатов в медиапространство, выполняют задачи изложения и публичного обсуждения наиболее актуальных проблем, а также предоставляют пространство для функционирования их языков.

В работе подчеркивается, что любые СМИ способны оказывать активное воздействие на аудиторию. Если говорить об этнической журналистике, то она, рассматривая проблемы этнической группы, создает тип межнациональных отношений, устанавливает их характер в определенном территориальном объекте. Так как тип проживания этнических групп в любой новой среде будет разным, дисперсным, то национальные средства массовой информации осуществляют еще и ряд консолидирующих функций. Такие СМИ обеспечивают сохранность особенностей группового сознания, верования, этнической культурной схожести, языкового единства согласно задачам национальной политики в стране. Объединение народа происходит непосредственно вокруг языка посредством медиасредств. Их ключевым ориентиром является формирование общей полиэтнической коммуникативной системы. Данная система в свою очередь способствует успешной социализации и реализации информационных потребностей всего многонационального социума. В связи с этим, этнические средства массовой информации выступают социальным институтом, который представляет важность не только в вопросах лингвокультуры, но и препятствует распространению этнофобий,

способствует знакомству с национальными традициями, сохранению традиционной культуры, языковой идентичности и т.д.

Автор формулирует и обозначает основные задачи национально-культурных центров как одного из механизмов национально-культурной деятельности. Это сохранение и развитие этнолингвокультурного портрета региона, обусловленного его исторической, экономической, политической, хозяйственно-бытовой, социокультурной спецификой. Причины, побуждающие к созданию подобных объединений, различны и являются условием для выбора типа организации. НКЦ могут создаваться с целью поддержки земляков, приезжающих, защиты интересов малочисленных народов региона и государства в целом. Согласно статистике, в любом регионе, включающем в свой состав национальные автономии, организации данного типа численно преобладают. Особо актуален сегодня вопрос о национально-культурных центрах и их деятельности в контексте деятельности НКО. Деятельность НКО часто подвергается критике из-за вопросов финансирования, но общепризнано, что без НКО невозможно создать гражданское общество.

Главной целью национально-культурных центров как фрагмента НКО является развитие этнических культур, сохранение родного языка, обычаев, традиций, форм досуга, исторической памяти своего народа, консолидация этнических общностей. Деятельность национально-культурных центров обуславливается, во-первых, полинациональным составом населения, во-вторых, благодаря деятельности подобных объединений происходит социализация и этническая идентификация молодого поколения. Проблемы межкультурного диалога не могут быть решены без изучения специфики этнических культур. А здесь как раз и прослеживается значение прикладной культурологии.

Как подчеркивается в диссертации, в Южной Сибири издавна проживают люди разных национальностей и вероисповеданий, поэтому общественные организации граждан, объединенных интересами по этнонациональному признаку, более чем востребованы. Цели и задачи национально-культурных автономий связаны с возрождением национального самосознания шорцев, хакасов, тувинцев и других этносов региона, они ориентированы на сохранение самобытности, традиций и историко-культурного наследия тюркских этносов, содействие развитию национального языка, ремесел, прикладного искусства. К основным видам направлений работы национально-культурных центров следует отнести не только культурно-просветительский, но и социально-ориентированный, образовательный, научно-исследовательский, издательский, правозащитный виды деятельности. Самой важной функцией этих организаций является сохранение традиций и обычаев народов региона, а также ретрансляция их новому поколению. Особенно значимо это в отношении родного языка.

В задачах Стратегии национальной политики (2012г.) отмечена необходимость «укрепления роли национальных общественных объединений,

национальных автономий»²⁸ для выполнения задачи межэтнического сотрудничества. Национально-культурная деятельность в условиях конца XX – начала XXI века играет еще одну важную роль – противодействие угроз национальной (этнической) культуре со стороны процесса глобализации. Современные теории «меняющегося мира», связанные с различными трактовками глобализации, информационного общества, общества постмодерна и т.д., в настоящее время более чем актуальны. Вопросы – куда идет человечество, что нас ожидает, каким будет мир в обозримом будущем и в отдаленной перспективе – не могут не волновать, поскольку напрямую связаны с идеей будущего, идеей грядущего благополучия и самого выживания человечества. В каждом научном журнале, освещающем вопросы обществоведения, можно найти «перетекающие» из номера в номер публикации о социальных и культурных трансформациях. Тема важна и интересна не только в силу нарастающей прагматической актуальности, но и в силу того, что раскрывает возможности для дальнейшего развития философии и культурологии.

Тревожная тенденция «схлопывания» этнических культур, «растворения» их в глобальной культуре, приводит к новому феномену переходного или пограничного характера. Исчезающая этническая культура формирует человека «вне культуры» или этноса «вне культуры». Это состояние, когда собственные этнические ценности и традиции, а также язык вытесняются более мощной культурой. Рано или поздно наступает момент, когда этнос переходит на иные культурные коды, принимает иные культурные парадигмы, подвергает забвению ценности своей традиционной культуры. Данная тенденция, как мы отмечали ранее, наблюдается в отношении шорского этноса. Все больше представителей этого этноса предпочитают говорить на русском языке. Причем это происходит не только в городах. Русский язык вытесняет шорский в отдельных улусах как хранителя шорской традиционной культуры. Несмотря на свою сложнейшую историю, шорцы представлены были вчера и сегодня писателями, учеными, мастерами искусств известными не только в России, но и за рубежом. Однако сегодня в демографических и языковых условиях тревога за сохранение шорского языка и традиционной культуры этого этноса сохраняется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении сформулированы выводы общетеоретического и прикладного характера, имеющие методологическое и научно-практическое значение, которые способствуют решению ряда задач социокультурного и этнокультурного значения. Выделим наиболее значимые:

1. Проблема взаимосвязи культуры и языка выступает одной из важнейших в предметном поле культурологии, она является предметом

²⁸ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Текст] [подписан Президентом Российской Федерации 19 декабря 2012 года № 1666] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. - № 52.

исследования лингвокультурологии как отрасли современного культурологического знания, для которой язык понимается как продукт культуры и фактор формирования культурных кодов. В свою очередь, культурный код выражает наиболее значимые культурные особенности, составляющие основу культуры нации и этноса, выражающиеся в языке, мифологии, ритуалах, традициях и т.д., а семиотика как наука о хранении и циркуляции знаков и текстов выступает способом определения доминирующей «символической» роли языка как базовой этнической ценности.

2. Понятие «национальные ценности» по своему содержанию включает в себя систему материальных и духовных ценностей, признанных определенной этнической общностью. В этом контексте родной язык выступает ведущей ценностью духовного порядка, вокруг которой происходит консолидация этноса. Сегодня в условиях развития глобализационных процессов требует доработки и уточнения сталинское определение нации, ориентированное на социально-экономические характеристики. Мы придерживаемся следующего определения нации как социальной общности, в основе которой находится духовная жизнь как фундаментальная ценность, при вторичности социально-экономических и политических характеристик.

3. Этническое самосознание опирается на комплекс духовных ценностей, а этнос реализует себя как осознанная культурно-языковая общность с наличием единого этнонима (самоназвания). Идентичность личности в этнокультурном плане выступает следствием усвоения всей системы духовных ценностей этноса при определяющей роли знания и умения пользоваться родным языком.

4. Традиционная культура с позиции культурологического подхода представляет собой деятельностный способ бытия человека. Феномен жизнедеятельности имеет исходную адаптивную ориентацию, поэтому культура предстает как адаптивно-деятельностный способ бытия. Содержанием традиционной культуры выступает сфера духовности человека, возникшая в результате следующих способов деятельности: оседло-земледельческий, кочевническо-скотоводческий, охотничье-рыболовецко-собираТЕЛЬНЫЙ и (или) их сочетаний. Традиционная культура – основа жизнедеятельности коренных (тюркских) этносов Сибири, базирующаяся на мифологическом элементе как определенной исторически сложившейся форме духовного освоения и формирования социального мира. Миф выступает отражением архетипов коллективного бессознательного, являющихся основой архаичного менталитета. Основной ценностью духовного порядка традиционного человека был и остается принцип тождества человека и природы, столь характерный для традиционной культуры тюркских этносов Южной Сибири.

5. Система духовных ценностей традиционной культуры коренных этносов Южной Сибири по отношению к традиционной культуре русских во многом близка и даже тождественна. Это проявляется в однотипности понимания устройства мира (трехуровневая система), наличии пантеона богов (духов), привязанности к оберегам и амулетам, общинно-родовыми отношениями социальной жизни и практике общинного самоуправления.

6. Значение идей В. фон Гумбольдта для философии языка и культурологии в целом громадно, поскольку его путь к языку ориентирован на человека, а через него к пониманию особенностей национального (этнического) в культуре. Язык и культура – это не только проблема современного теоретического знания, но это и насущная практическая задача. Она по своей сути является проблемой междисциплинарного характера, объединяя теоретическую и прикладную культурологию.

7. Особенности полиэтнического Южно-Сибирского региона явились условием формирования единственно возможной для полноценной современной поликультуры позитивной формы этнической идентичности. Нейтральный уровень эмоциональных реакций на иновариантные проявления культуры в сочетании с реализацией интегративной модели межкультурных коммуникаций обеспечивают понимание важности этой формы этнической идентичности. Это дополняется наличием принципов взаимного доверия, толерантной моделью межкультурного взаимодействия, на которых основывается социальная стабильность Сибирского региона.

8. Двужычие (билингвизм) является динамичным явлением, с постоянно развивающейся способностью использовать второй язык не только в коммуникативных, но и в информационных, когнитивных, гносеологических и других целях. В этнокультурном развитии Южно-Сибирского региона двужычие играет значительную роль, поскольку владение вторым языком, а это русский язык, способствует межкультурному взаимодействию. Однако имеется и опасность вытеснения русским языком родного языка у некоторых этносов.

9. Проведя анализ состояния языковых систем шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев, мы пришли к заключению, что только у трех (кроме шорцев) этносов, состояние положительное и их развитие не вызывает опасение. Что же касается шорского языка и этноса, то в данном случае картина вызывает тревогу, поскольку социологические данные говорят о том, что через 15-20 лет данный южно-сибирский этнос может полностью раствориться. Это подтверждается и демографическими данными и данными по уровню владения шорским языком как родным. Для шорского языка характерен самый низкий уровень коммуникативной мощности.

10. Консолидации разных ветвей шорцев и возникновению развитой этнической культуры в существенной мере поспособствовало распространение употребления этнонима «шорцы». Впервые данное название начал использовать академик В.В. Радлов, чтобы упростить и унифицировать классификацию автохтонных народностей, занимающих юг Сибири. В дальнейшем это привело к признанию тюркоязычных народностей, занимающих юг Кемеровской области, племенной конгломерацией, обладающей одинаковым наименованием – «шорцы». В результате само наименование обрело статус этнонима. Национальной идеей возрождения шорского этноса, по нашему убеждению, становится ценность семьи и детства. Именно в условиях семейных отношений идет формирование у детей и молодежи основ традиционной культуры, усвоение социальных и духовных

ценностей, другими словами осуществляется социализация личности, разрешается проблема демографического характера.

11. На рубеже тысячелетий у шорцев прослеживается значительная заинтересованность в возрождении традиционной культуры и интерес к собственной истории. Это отразилось в народной художественной самодеятельности, в обращении к образу шамана (кама). В шаманстве главным божеством на небесах признавался Ульген(ь), на земле царствовала богиня У(Ы)май, а в подземном мире господствовал Эрлик. Также для шорской культуры характерно поклонение перед духами, представляющими собой полноправных властителей гор и водных источников. Шаманизм обладает родовой спецификой и полностью ориентирован на сохранение гармоничных отношений между людьми и окружающей природой.

12. Совокупность записанной в языке информации именуется «языковой картиной мира». При применении лингвокультурологического анализа становится возможным полное восстановление первоначальной этнической картины мира и ее своеобразия. Для восстановления этнического облика хакасов ключевую роль играет именно язык, невзирая на его определенную искусственность, вызванную спецификой родственного сосуществования шорского и хакасского этносов. Ключевыми особенностями развития тувинской культуры на границе тысячелетий стали поиски соответствующих ожиданиям тувинцев способов возврата к обычаям не подвергшейся советизации традиционной культуры. Особенностью культуры тувинцев является наличие большого числа компонентов, позаимствованных у прочих народностей, живших в границах Тувы с древнейших времен. Эти традиции в некоторой степени архаизировались, чтобы соответствовать идее поклонения природе. Даже буддизму оказалось не под силу поменять вектор групповых молебнов, а сам он существенно преобразился в местной среде. Алтай является полиэтничным и многоконфессиональным регионом. Здесь живут представители более 100 народов и этнических групп, приверженцы мировых религиозных культур: христианства, ислама, буддизма, традиционных и нетрадиционных верований. В регионе сложилась достаточно устойчивая основа для межкультурного и межэтнического взаимодействия, достигнуто межнациональное и межконфессиональное согласие.

13. Состояние этнической культуры и тенденции к ее аннигиляции и «растворению» в более мощных культурных мирах были вызваны в целом позитивным стремлением цивилизации интегрировать этнос в общегосударственную хозяйственную систему. Включившись в этот процесс, этнос пожертвовал, казалось бы, наименьшим – соседской общиной, некоей хозяйственной единицей, представляющей собой воплощенный архаизм. Но именно на этой хозяйственной единице основывалась этническая культура с ее традицией, мифологией, верой, обычаем, психологией, ценностями. Модернизационные процессы, как показывает проведенное исследование, ведут к необратимым трансформациям традиционной культуры, самым непосредственным образом отражаются на ментальности человека традиционной культуры.

14. Для полноценного существования и развития, для сосуществования этнических культур необходимо понимать и возвеличивать роль в полиэтническом регионе национально-культурной деятельности как феномена современной российской цивилизации в различных его организационных формах (НКЦ, НКО и др.). Современная российская национальная культура – это культура того множества этнических культур, что составляют сегодня Россию. Одним из ее фрагментов выступают этнокультуры тюркских народов Южной Сибири.

Основное содержание диссертации изложено в публикациях автора общим объемом более чем 60 п. л.

Монографии:

1. Зыкин А.В. Концептуальное осмысление этнической и языковой культуры в полиэтническом социуме : монография / А.В. Зыкин ; М-во сел. хоз-ва, С.-Петерб. гос. аграр. ун-т. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГАУ. – 2017. – 195 с.

2. Зыкин А.В. Особенности социального порядка во взаимодействии языковых культур в русской и тюркских народных традициях : монография / А.В. Зыкин, М.А. Арефьев, А.О. Туфанов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГАУ. – 2016. – 95 с.

3. Зыкин А.В. Национальная и этническая культуры как базовые основания жизнедеятельности социума : монография / А.В. Зыкин, М.А. Арефьев, А.О. Туфанов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГАУ. – 2015. – 106 с.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Зыкин А.В. К вопросу о становлении и развитии мифологии этногрупп Алтая / А.В. Зыкин, И.В. Леонов // Культура и цивилизация. – 2019. – Том 9., № 3А. – С. 122-133.

2. Зыкин А.В. Народная и профессиональная культура Алтая на рубеже веков / А.В. Зыкин // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9, № 1А. – С. 26-37.

3. Зыкин А.В. Старообрядцы в духовной культуре полиэтнического населения Алтая / А.В. Зыкин // Культура и искусство. – 2019. - № 2. – С. 14-21.

4. Зыкин А.В. Формирование культурного кода этносов Алтая / А.В. Зыкин // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8, № 6А. – С. 79-92.

5. Зыкин А.В. Проблема возрождения традиционной культуры тувинского этноса в постсоветский период / А.В. Зыкин // Человек и культура. – 2019. - № 1. – С. 1-9.

6. Зыкин А.В. Интеграция традиционной культуры Тувы и идеологии соцреализма в СССР / А.В. Зыкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. – 2019. – № 1. – С 8-12.

7. Зыкин А.В. Закат традиционной культуры тувинского этноса в трагических условиях существования Тувинской Народной Республики / А.В. Зыкин // Культура и цивилизация. – 2018. - Т. 8, № 5А. – С. 45-56.
8. Зыкин А.В. К вопросу о своеобразии праздничной (церемониальной) культуры тувинского этноса / А.В. Зыкин // Миссия конфессий. – 2018. – Т. 7, Ч. 6(№ 33). – С. 711-723.
9. Зыкин А.В. Анимизм, соотношение природного и культурного в мировоззрении тувинцев / А.В. Зыкин // Современная наука: актуальные проблемы. Сер. Познание. – 2018. - № 10. – С. 4-9.
10. Зыкин А.В. Культурное своеобразие и этническое самосознание хакасов / А.В. Зыкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. – 2018. - № 4 (79). – С. 15-20.
11. Зыкин А.В. Культура и этническое самосознание шорцев в конце XX – начале XXI веков / А.В. Зыкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. – 2018. - № 3 (78). – С. 17-20.
12. Зыкин А.В. Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке / А.В. Зыкин // Человек, культура, образование. – 2018. – № 4. – С. 74-90.
13. Зыкин А.В. Значение этнонима «шорцы» в становлении культурного кода и самоидентификации шорского этноса / А.В. Зыкин // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. - № 3(36). – С. 31-35.
14. Зыкин А.В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской / А.В. Зыкин // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 40. – С. 7-10.
15. Зыкин А.В. Евразийство в контексте духовной культуры России / А.В. Зыкин // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 39. – С. 433-439.
16. Зыкин А.В. Духовность и духовная культура как категории социальной философии / А.В. Зыкин // Известия международной академии аграрного образования. – 2015. - № 22. – С. 85-89.
17. Зыкин А.В. О взаимодействии культуры и ценностей во фрейме «Нация – Этнос» / А.В. Зыкин, М.А. Арефьев // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 39. – С. 414-420.
18. Зыкин А.В. К вопросу о формировании понятий национальная и этническая культура и особенностях их контента / А.В. Зыкин, А.О. Туфанов // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. - № 38. – С. 344-349.
19. Зыкин А.В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных конструкциях с коннектором аккумулятивом в шорском языке / А.В. Зыкин // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 1 : Филология, № 1. – С. 118-125.

20. Зыкин А.В. Полипредикативные эллиптические конструкции (на материале шорского языка) / А.В. Зыкин // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 971-974.

21. Зыкин А.В. Модели полипредикативных конструкций изъяснительного типа в шорском языке / А.В. Зыкин // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 4. – С. 75-80.

в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований по смежным научным специальностям:

1. Зыкин А.В. К вопросу о национально-культурной деятельности СМИ в системе социальных отношений / А.В. Зыкин // Современный ученый. – 2017. - № 6. – С. 286-290.

2. Зыкин А.В. К вопросу об исследовании культуры коренных народов / А.В. Зыкин, Н.Г. Коваленко // Современный ученый. – 2017. - № 4. – С. 250-254.

3. Зыкин А.В. К вопросу о факторах, формирующих мировоззрение этноса / А.В. Зыкин // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 123-127.

4. Зыкин А.В. К вопросу о национальной идее шорского этноса / А.В. Зыкин // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 187-190.

5. Зыкин А.В. Проблема этнической самоидентификации и культурного самоопределения / А.В. Зыкин // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 103-109.

6. Зыкин А.В. Этническое самосознание и его границы: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т.8, № 11. – С. 110-114.

7. Зыкин А.В. Языковая безопасность в полиэтническом обществе: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 9, № 11. – С. 128-134.

8. Зыкин А.В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 7-12.

9. Зыкин А.В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири / А.В. Зыкин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 7(49). – С. 114-118.

10. Зыкин А.В. Культурная и межэтническая толерантность как базис существования полиэтнического социума / А.В. Зыкин // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2016. - № 3. – С. 229-236.

11. Зыкин А.В. Вербальное и невербальное общение как структура языковой культуры полиэтнического социума: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. - № 4(94). – С. 39-46.

12. Зыкин А.В. Влияние билингвизма на состояние языковых систем русского и тюркских языков Южной Сибири / А.В. Зыкин // *Общественные науки.* – 2016. - № 2. – С. 387-399.

13. Зыкин А.В. Билингвизм как основа межкультурного и межэтнического взаимодействия: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // *Этносоциум и межнациональная культура.* – 2016. - № 2(92). – С. 55-61.

в иных научных изданиях:

1. Зыкин А.В. Устройство мира в культуре тюркских, славянских и скандинавских племен (сопоставительный аспект) / Зыкин А.В. // *Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: посвящается 115-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.* – Санкт-Петербург, 2019. – С. 212-216.

2. Зыкин А.В. Язык в структуре культуры / А.В. Зыкин // *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. «XIX Кирилло-Мефодиевские чтения», 23-25 мая 2018, Москва / Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина ; редкол.: М.Н. Русецкая [и др.].* – Москва, 2018. – С. 154-157.

3. Зыкин А.В. О социально-философском своеобразии шорских сказок / А.В. Зыкин // *Вестник детской литературы.* – 2016. - Вып. 12. – С. 87-93.

4. Зыкин А.В. Формирование шорского этноса и языка: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // *Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. проф.-преп. состава «Научное обеспечение развития сельского хозяйства и снижение технологических рисков в продовольственной сфере», Санкт-Петербург, Пушкин, 26-28 янв. 2017 г. : в 2 ч. / М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. аграр. ун-т ; гл. ред. И. В. Солонько.* – Санкт-Петербург, 2017. – Ч. 2. – С. 248-252.

5. Зыкин А.В. Процесс коммуникации в структуре культуры языка: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // *Культура мира = Cultural world.* – 2016. - № 8. – С. 31-41.

6. Zykin A. Symbol and symbolism as the basis of the society spiritual culture) / A.Zykin // *Actual problems of the humanities.* – Vienna, 2015. – Vol. 1. – P. 65-77.

7. Зыкин А.В. Языковая культура как основание «духа народа» в учении В. Гумбольдта / А.В. Зыкин // *Наука и образование в современном мире : сб. науч. тр.* – Калининград, 2016. – С. 160-171.

8. Zykin A. Language and the “Spirit of nation” as the objective and the subjective in V. Humboldt’s social philosophy / A. Zykin // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe.* – 2015. – Т. 3, № 3. – P. 140-143.

9. Зыкин А.В. Об особенностях картины мира коренных народов Сибири в сопоставлении с русским этносом / А.В. Зыкин // *Евразийский союз ученых = Eurasian Union of Scientists.* – 2015. - № 6(15). – С. 59-63.

10. Zykin A. Myth as one of the traditional culture foundations (socio-philosophical analysis) / A. Zykin // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences / «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – 2015. - № 5-6 (3). – P. 137-140.

11. Зыкин А.В. Евразийство: становление, сущность и влияние на русскую духовную культуру / А.В. Зыкин // Известия международного научного института Educatio. – Новосибирск, 2015. - № 3 (10), Ч. 8. – С. 146-149.

12. Зыкин А.В. О некоторых особенностях русской духовной культуры / А.В. Зыкин // Теоретические и практические аспекты развития современной науки : материалы XV междунар. науч.-практ. конф., 11-12 апреля 2015 г., Москва / Ин-т стратегических исслед. – Москва, 2015. – С. 139-142.

13. Зыкин А.В. Ценности как база национальной и этнической культур / А.В. Зыкин // Наука и образование в современном мире : сб. науч. тр. – Калининград, 2015. – С. 7-14.

14. Зыкин А.В. Система причастий шорского языка и их статус / А.В. Зыкин // Освоение духовного опыта: проблемы исследования : сб. науч. тр. / СПбГАУ ; под ред.М.А. Арефьева. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 129-132.

15. Зыкин А.В. К вопросу о мировоззрении шорского народа / А.В. Зыкин // Актуальные вопросы социогуманитарных знаний : материалы межвуз. науч.-практ. конф. 28-29 января 2010 г. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 84-87.

16. Зыкин А.В. Полипредикативные конструкции актантного типа в шорском эпосе (на примере сказаний «Алтын Сырык» и «Каан Перген») / А.В. Зыкин // Наука в вузе: современные тенденции : Материалы Всерос. науч.-практ. конф / Кузбасская государственная педагогическая академия. – Новокузнецк, 2007. – С. 28-37.